

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

*Екатерина
Островская*

ТАТЬЯНА УСТИНОВА РЕКОМЕНДУЕТ:
«Екатерине **Островской** и ее детективам удалось подарить мне
не один головокружительный вечер за увлекательным чтением,
и поэтому я советую вам эти книги!»

- Темница тихого ангела
Желать невозможного
Заповедник, где обитает смерть
Мертвая жена и другие неприятности
Мотылек атакующий
Охотник желает знать
Нет места женщине
Сверх отпущенного срока
Украденные воспоминания
Путешествие по ту сторону
Не расстанусь с Ван Гогом
Черный замок над озером
Мечты о лучшей жизни
Ангелам здесь не место
Упасть еще выше
Встреча, которой не было
Исповедь без прощения
С тобой мне не страшно
Два раза в одну реку

- **Женское лицо частного сыска.**
Детектив Вера Бережная
Я стану ночным кошмаром
Помолвка с чужой судьбой
Актеры затонувшего театра
Прощание на Поцелуевом мосту
Кто поймал букет невесты
Победитель не получит ничего
Полоса черная, полоса белая
Покопайтесь в моей памяти
Пригласи в дом призрака
Передай привет небесам
Любовь во время пандемии
Открой глаза, Фемида!

- **Следствие ведет Павел Кудяров**
Демоны прошлой жизни
Двери в темное прошлое

*Екатерина
Островская*

**ЗАПОВЕДНИК,
ГДЕ ОБИТАЕТ СМЕРТЬ**

**МЕРТВАЯ ЖЕНА
И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ**

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(7Coe)-44
О-77

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литературный агент *Ольга Рубис*

Островская, Екатерина Николаевна.

О-77 Заповедник, где обитает смерть ; Мертвая жена и другие неприятности : романы / Екатерина Островская. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-155228-2

Заповедник, где обитает смерть

«Никогда не разговаривайте с неизвестными», — предостерегал классик Михаил Булгаков. С известными, впрочем, тоже надо разговаривать осторожно. Алексей Волошин встречается в подпольном казино с давним другом. После большого выигрыша они едут к Алексею домой, и Иван Филатов рассказывает о новой игре, победитель которой получит миллиард долларов. Игра смертельно опасная, но и куш фантастически огромен, поэтому можно забыть и о страхе, и о моральных принципах, и шестую божественную заповедь: «Не убий». Но никто из них не готов стать убийцей. И умирать не хочется, значит, надо выжить любой ценой. В момент наивысшего напряжения сил смерть и любовь ходят рядом. Каждый из друзей встречает свою любовь, но не всякому везет и в любви, и в смерти...

Мертвая жена и другие неприятности

Валерий Борисович Ладейников единственный раз в жизни был влюблен. Но Елена исчезла, словно растворилась, и отыскать ее Валерий не сумел. Он начал преподавать в университете, женился на аспирантке и вскоре развелся, но все это оказалось только тенью настоящей жизни... А настоящая жизнь началась, когда однажды утром раздался телефонный звонок. Следователь пригласил Валерия Борисовича на опознание его бывшей жены. В морге Ладейников почувствовал себя плохо. Настолько плохо, что опознал как свою супругу совершенно незнакомую женщину. Впрочем, убитая Варвара Николаевна носила фамилию Ладейникова и была замужем за ним. Это подтверждалось печатью в паспорте. А вскоре выяснилось: она оставила Валерию Борисовичу в наследство две огромные квартиры и ценные бумаги на внушительную сумму. Попытки узнать больше о загадочной «жене» стали первым звеном в цепи покушений и убийств... Кто-то затеял с Ладейниковым страшную игру. Но он должен выиграть. Ведь в финале ждет приз, который стоит любого состояния...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-155228-2

© Островская Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

■

**ЗАПОВЕДНИК,
ГДЕ ОБИТАЕТ
СМЕРТЬ**

ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ИЗМЕНИТЬ МИР

Как я люблю детективы!.. Особенно хорошие. Читаю с удовольствием и некоторой опаской — всегда-то мне хочется оказаться самой умной и сразу угадать, кто злодей, кто жертва и как именно повернется сюжет!.. Честно сказать, я промахиваюсь, только когда увлекаюсь. И автор не дает мне шанса вздохнуть, оторваться, засунуть книжку в сумку и вернуться к ней, ну, допустим, послезавтра!..

Екатерина Островская как раз из таких — ни оторваться, ни вздохнуть, где уж отложить на послезавтра!.. Я люблю ее книги, и «Желать невозможного», и «Темницу тихого ангела», и на этот раз я ждала, что автор снова меня удивит.

«Заповедник, где обитает смерть» почти фантастическая история, но Екатерине Островской удастся заставить читателя — то есть меня и, надеюсь, вас тоже — верить в реальность происходящего, и это ощущение не отпускает до самой последней страницы.

Быстрота повествования, от которой захватывает дух, не дает ни опомниться, ни остановиться, ни отложить книжку на послезавтра. Ее просто необходимо дочитать здесь и сейчас, и желательно без пауз, и хорошо бы при этом, чтоб телефон не звонил и дети не приставали!..

Островская играет жизнями, тасует героев, заставляет их совершать неожиданные и странные поступки, а читателя с замиранием сердца следить за ними и гадать — сработает, не сработает, выберутся, не выберутся!.. Сюжет то и дело поворачивает в какую-то другую сторону и на полной скорости несется дальше. Это почти невозможно, но ей удается удержаться 7

на этих виражах!.. И очень хочется, чтобы у героев все получилось!..

Мне кажется, одна из самых главных и сложных задач автора — заставить читателей сопереживать героям. Поверить в них и прожить с ними целую жизнь, уложившуюся в книгу. И я верю! И хочу, чтобы у них все получилось, чтобы двое друзей, герои романа «Заповедник, где обитает смерть», победили, чтобы затеянная кем-то то ли из праздности, то ли из жадности, то ли по дьявольской неосторожности «игра на выбывание», ставки в которой значительно выше, чем человеческая жизнь, все же закончилась для них благополучно или чтобы просто закончилась хоть как-то!.. И мне то и дело хочется им... подсказать: ребята, здесь что-то не то, а вы из-за своей молодецкой удали этого не замечаете! Ну, оглянитесь по сторонам, взгляните пристальней!

И герои сражаются за себя, пытаются разгадать, какое место отведено им в придуманном автором чудовищном состязании!

Я читаю, и страшно мне, и увлекательно, но я не разрешаю себе заглядывать в конец, перелистывать последние страницы — никогда!..

А еще мне всегда нравится в книгах, когда смешно. Когда смешно... непредсказуемо, а не там, где положено по законам жанра! Островская не боится шутить там, где кажется, что это невозможно и даже опасно. Она совершенно свободна в тексте, ничего не боится и ничем себя не ограничивает. И поэтому все получается, да так хорошо!

И финал! Он всегда феерический, во всех отношениях. Иногда так сразу и не поймешь, такой ли уж это стопроцентный хеппи-энд, на который, как мне кажется, надеется каждый нелицемерный читатель! А потом приходит осознание, что все правильно, так и должно быть.

Как читатель, я знаю совершенно точно, что счастливый конец в романе — не признак слабости или бесхарактерности автора! Это, возможно, единственный способ изменить мир. Я говорю это сейчас совершенно серьезно. Я читаю, в это время для меня не существует неразрешимых проблем и глобальных кризисов, политических, финансовых или смысловых. Я читаю и точно знаю, что все... обойдется. Честно. Всерьез.

И обыкновенные дети из обыкновенного детского дома станут жить во дворце и получат возможность понять, что мир огромен и прекрасен!

Татьяна Устинова

«...Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся...»

*Второе послание к Тимофею
святого апостола Павла*

Вся жизнь — игра: сюжет — так себе, но зато какая графика!

Народная мудрость хакеров

Глава первая

Фонари едва мерцали, вся улица погружена в ночную тень, хотя какая может быть тень, если света нет; даже луна на небе без короны — просто как белая пуговка, пришитая к черной рубашке. Зимнее утро приходит не спешило, и дома тоже не торопились просыпаться; в темных стеклах окон ничего не отражалось, а что за ними — одному Богу известно. Если Он не спит, конечно.

Ровно в четыре утра Волошин вышел из клуба, сел в машину и, не прогрев двигатель, отправился домой. Обычно он так рано не заканчивал игру, даже если она не шла, но сейчас зима — мосты в Петербурге по ночам не разводят, и потому можно себе позволить сказать «Достаточно!» и удалиться. Хотя ни о каком достатке сегодня не может быть и речи: с чем пришел, с тем и домой вернется. И то случайно — сгреб оставшиеся перед ним фишки, поставил на черное — потому лишь, что три раза подряд выпадало красное. На этот раз повезло — Волошин решил не испытывать больше судьбу, получил в кассе выигрыш, шагнул через порог в темноту, замер на мгновение, подставляя лицо морозному воздуху и прислушиваясь к тишине. Потом направился к машине, нажал кнопку брелока. Автомобиль отозвался двумя короткими всхлипами и помаргиванием подфарников. Впрочем, сильного мороза не было, стекло не успело 9

замерзнуть, и прогревать двигатель нет особенной нужды, можно сразу отправляться домой, где...

Нет, все было не так. Когда Волошин вышел из казино и легкий морозец поцеловал его в обе щеки, из темноты выскользнула девушка — просто выросла из черной стены и, не дойдя двух шагов, остановилась, ничего не говоря, пытаясь поймать взгляд свободного и, как ей, наверное, казалось счастливого человека. Коротенькое пальтецо или курточка, скрывающая еще более короткую юбку, чулочки в сеточку, руки, прижимающие к груди простенькую сумочку. Волошин видел эту девушку в вестибюле казино, куда она заскочила погреться или, если получится, подцепить клиента — обычная уличная дешевка, и малолетка к тому же: неудивительно, что ее тут же выставили.

Алексей как раз поправлял перед зеркалом кашне и мельком заметил, как за его спиной отразилась какая-то суета — нет, все пристойно: девушка зашла, охранники тут же ее вежливо попросили. И вот теперь она подкралась, скукоженная, и пытается обратить на себя внимание.

— Не хотите ли... — начала шептать девушка.

Но Волошин даже не повернул головы.

— Расслабься, — посоветовал он, щелкнул брелоком и залез в автомобиль.

Уличные фонари еле брезжили бледной марганцовкой, город спал, словно похрапывая, — это продребезжал первый непонятно куда ползущий троллейбус, где-то хлопнула дверь, и на улицу вывалился взъерошенный сон — как видно, ошибся адресом. Все это пронеслось и осталось позади: казино, девушка, темная улица и подозрительная личность в подворотне. И все равно что-то не так. Определенно, что-то прошмыгнуло мимо — незаметное, может быть, не такое уж необходимое, но отразилось в сознании, прежде чем исчезнуть. Волошин даже тряхнул головой, чтобы не напрягаться, вспоминая, а просто сбросить наваждение. Еще совсем недавно он ни о чем не задумывался, и вдруг прицепилось непонятное чувство тревоги, которое не дает сосредоточить внимание на дороге или на чем-нибудь приятном. Алексей даже притормозил, а потом и вовсе остановился. Быстро промелькнул сегодняшний вечер — вроде ничего особенного: не выиграл и не проиграл, знакомых не встретил, хотя видел Филатова, но ни о чем с ним не говорил, просто кивнули друг другу и направились к разным столам. И все же что-то не так,

10 надо вспомнить. Что-то очень важное.

Волошин развернулся и поехал назад. Над казино тускло светила вывеска, перед входом никого. И только когда автомобиль остановился, откуда-то из-за водосточной трубы выскочила та девчонка и снова оказалась возле машины. Через тонированное стекло невозможно было разглядеть ее лицо.

Алексей приоткрыл дверь:

— Прыгай сюда!

Девчонка забралась на сиденье, колени тряслись от холода, а руки продолжали прижимать к груди сумочку.

Волошин вынул бумажник, достал из него сотенную:

— На, возьми.

— В машине? — прошептала девчонка.

Алексей усмехнулся и отвернулся от дурочки.

— Ничего не надо. Получила и катись отсюда.

Она уже начала шарить по обшивке двери в поисках ручки, торопливо и нервно, словно боясь, что этот странный человек передумает.

— Сиди! — приказал Волошин. — Я тебя до метро подброшу.

— Метро сейчас закрыто, — совсем тихо выдавила из себя девчонка.

И не повернулась при этом. Так они и проехали до Невского проспекта — Волошин, пораженный своим альтруизмом, и его спутница, демонстрирующая ему свой затылок.

— Где хоть живешь? — поинтересовался Алексей. — Может, мне по пути, и я тебя у дома...

Но спутница не дала договорить:

— За городом.

— За город нам не надо, — не торопясь, словно обращаясь к самому себе, произнес Волошин и объяснил опять же себе: — За городом нам нечего делать, нам и в городе неплохо живется.

Ему уже стало жалко сотни баксов. Кого он хотел удивить — эту сопливую деревенскую потаскушку, решившую подхватить клиента возле шикарного заведения? И что на него нашло? Она, кстати, даже не поблагодарила.

— Сейчас через Неву перескочим, и я тебя возле «Василеостровской» высажу — напротив ночное кафе, до открытия метро можно перебиться там.

— У меня рублей нет, — прошептала девчонка, уставившись в свои коленки.

И тогда Волошин вздохнул, продолжая держаться за баранку левой рукой, снова залез во внутренний карман, достал бумажник и положил его на руль. Придерживая пальцем, выудил сторублевку, следом за которой выскочила и вторая, протянул обе банкноты спутнице:

— На, кровососка! На пару пива хватит и на бутерброд останется.

Захлопнул бумажник, вернул его в карман и только после этого добавил:

— И на метро останется.

— У меня есть, — призналась дурочка.

— Счастливая, — зачем-то сказал Алексей и снова поразился тому, насколько он добрый, и тому, что ему не говорят «спасибо».

Раздалось только «хлюп, хлюп». Девчонка шмыгнула носом и закрыла ладошкой глаза.

«Ревет, что ли?» — подумал Алексей и бросил взгляд на спутницу.

Та и в самом деле плакала, причем абсолютно по-детски, потряхивая головой и закрывая ладошкой уже не глаза, а рот, чтобы не разрыдаться во весь голос. В свете пролетающих за окнами фонарей стали видны размазанные тени и стекающая с ресниц тушь. Смысла успокаивать попутчицу никакого, можно только прибавить газу, чтобы скорее домчаться до метро, расстаться с ней, забыть навсегда и не вспоминать. Как и этот вечер — бессмысленный и пустой, как многие другие, похожие друг на друга в своем унылом однообразии.

Девчонка выскользнула в ночь молча. Только перед тем, как захлопнуть за собой дверь автомобиля, прошептала:

— Спасибо. Я постараюсь вернуть долг.

Но Алексей махнул рукой: поторапливайся, мол. Дверь затворилась, свет в салоне погас. За окнами тоже было темно, и посреди мрака сияла эмблема «Макдоналдса», пропахшая жареной картошкой и котлетами.

Десять с половиной лет назад, как раз перед государственным экзаменом в университете, Лешка Волошин, возвращаясь домой, заглянул в почтовый ящик и обнаружил там конверт. В конверте находилась открытка с изображением

«Алексей, приглашаем тебя на торжественную регистрацию нашего брака, которая состоится на набережной Красного Флота.

Нина, Ваня»

Поднимаясь в лифте, Волошин пытался вспомнить, кто такая Нина, и не мог. Ивана среди знакомых тоже не было. Решив, что почтальон ошибся, взглянул на конверт: все верно — адрес его и фамилия написана без ошибок. Оставалось только удивляться и ломать голову дальше. Он бы ночь не спал, но как раз перед полуночью позвонил бывший одноклассник, которому, как выяснилось, подбросили такое же послание. Вместе вычислить Нину оказалось не так уж сложно: она училась в их классе и даже какое-то время сидела рядом с Волошиным, что, впрочем, особой радости не доставляло — неуверенная в своих знаниях девушка перед каждой контрольной писала шпаргалки у себя на ногах, потом ей оставалось только поднять юбку и получить необходимую информацию. Естественно, что и Лешка по ее ногам сверял порой собственные знания. Однажды на контрольной по математике он толкнул соседку в бок:

— Чему равен бином Ньютона?

Добрая девушка для пушей конспирации подняла в задумчивости глаза к потолку, а рукой стала задирать подол.

Необходимой формулы не было.

— Выше, выше, — шептал Волошин.

Он даже наклонил голову к столешнице, чтобы заглянуть дальше, но надписи закончились. Лешка пожирал глазами ляжки одноклассницы и потерял бдительность. Сама соседка по парте продолжала искать подсказку на потолке.

— Это что? — раздался рядом вопль математички. — О-о-о!

Это прозвучало так неожиданно и громко, словно наблюдательная учительница увидела за окном зависший над школьным стадиончиком НЛО.

Весь класс вздрогнул.

— Ты же советская девочка!.. — завопила несостоявшаяся Софья Ковалевская.

Тут она вспомнила, что Советского Союза уже нет, и тут же нашлась:

— Ведь ты же девочка! У тебя должна быть гордость, а ты позволяешь мальчикам заглядывать себе под юбку. Не стыдно? Даже я краснею.

Учительница всплеснула руками и обратилась ко всему классу:

— Вы можете себе представить, чтобы мальчик залез девочке... У-ужас!

Она прижала ладони к вискам и покачала головой.

Одноклассники с завистью смотрели на Волошина, а некоторые одноклассницы закусили губы. Равнодушно глядел с портрета Карл Фридрих Гаусс, а Альберт Эйнштейн и вовсе показывал язык. Впрочем, некоторые ученики воспользовались переполохом и бешено листали учебники.

— Ты же девочка! — повторила учительница.

И тут заметила надписи на ногах, и это возмутило ее еще больше:

— Вон из класса! Оба! Немедленно к директору.

Пришлось складывать портфели и вылезать из-за парты.

— А ты, — задыхаясь от гнева, произнесла математичка, обращаясь к соседке Волошина, — покажи свое безобразие директору: посмотрим, что он скажет.

Лешка и Нина вышли в коридор, но по дороге в директорский кабинет заскочили в туалет для мальчиков, где смыли шпарталки, а заодно и выкурили по сигаретке, после чего директору решили ничего не показывать, тем более что и разглядывать уже было нечего, а если бы и было что, то вряд ли старику директору (а было ему уже почти пятьдесят) это интересно. Потому решили сходить на дневной сеанс в кино, где показывали фильм «Дикая орхидея», в котором было немало откровенных сцен. Посмотрели раз, потом купили билеты и на вечерний сеанс, пошли снова в зал, сели на свои места, а когда погасили свет, кто-то протиснулся мимо, пиная ногами зрителей, и, наконец, издав страстный вздох, похожий на стон, опустился рядом. Это была математичка...

Мытье ног в туалете для мальчиков — событие, конечно, незабываемое, и потому Нина не преминула пригласить на свою свадьбу и Лешу Волошина. Правда, он не пошел на регистрацию, а явился прямо в ресторан «Невский», где намечался торжественный ужин. Прихватил с собой подарок — коробку с чайным сервизом, как потом выяснилось, таких сервизов оказалось несколько. Зато оригинальный подарок принес второй их одноклассник — огромные олени рога, прикрепленные к дощечке, чтобы вешать на стену. Некоторым гостям из числа родственников жениха это не очень понравилось.

14 лось. Они так и сказали, добавив:

— За такие подарки можно и по рогам получить.

Щедрый даритель мялся с ноги на ногу, а потом попытался оправдаться. Мол, зачем молодым еще один сервиз, а рога в хозяйстве всегда пригодятся: на них можно шляпу вешать и галстуки.

— И носки, — добавила находчивая невеста.

В остальном — самая обычная свадьба: кто-то напился, кто-то подрался, кто-то целовался с чужой женой, а кто-то увел чужого мужа. Ничего выдающегося в тот вечер не произошло: потом таких торжеств в жизни Волошина оказалось немало, он бы и то позабыл за чередой последующих, но мужем одноклассницы оказался незнакомый ему парень, с которым впоследствии Алексей подружился. Звали молодожена Ваня Филатов. Был он среднего роста и худ (это потом он растолстел и развелся. Или наоборот: сначала развелся, а потом растолстел). Тогда, на свадебном ужине, бывшая соседка по парте поручила Волошину важное и ответственное задание — напоить жениха. Это сделать удалось. Напились оба, и с этого началась их дружба. Но никто из них не догадывался, что их ждет, хотя вместе пили за светлое будущее: Алексей подливал жениху, а Иван косился на оленье рога.

Утром Волошин проснулся в незнакомой квартире в чужой кровати, и девушка, лежавшая рядом, пыталась убедить его, что они близко знакомы. Обрывки каких-то воспоминаний крутились в Лешкином мозгу, но они казались кадрами из фильма «Дикая орхидея» и потому к личному опыту не имели никакого отношения. Спрашивать незнакомку, а тем более интересоваться ее именем было бы не очень тактично, и потому пришлось начать издали.

— Где мы? — прохрипел Алексей.

— У меня, — таким же надтреснутым голосом просветила девушка.

Но ясности это не добавило. На новую близкую подругу смотреть не хотелось. Волошин закрыл глаза.

— Что молчишь? — спросила девушка.

— Я думаю.

— О чем? — продолжала чего-то добиваться новая подруга.

— Просто фантазирую.

— Давай пофантазируем вместе, — предложила девушка. — Я открою тебе новые горизонты.

Что она имела в виду, Алексей так и не узнал, потому что пространство маленькой квартирki разрезал противный писклявый звонок.

Есть еще люди, для которых фантазии реальнее любой действительности; этим мечтателям удастся перешагнуть через воображаемую линию, где сходится земля и небо. Таким человеком оказался Иван Филатов...

Ваня позвонил в дверь, хозяйка открыла. Лешка, продолжавший гадать, где же он находится, услышав знакомый голос, обрадовался: хоть он и в чужом доме, но все же в родном городе. Вскоре все выяснилось окончательно: Волошин находится в соседней с Филатовым квартире, а незнакомка — подруга детства молодожена. Может быть, старинная дружба и помешала ей выйти замуж за соседа.

Вскоре они снова сидели за столом, допивая оставшееся с вечера шампанское, и беседовали ни о чем. Но еще до того, как хмель затуманил голову, ум Филатова посетила неожиданная мысль:

— Алексей, давай с тобой организуем какое-нибудь коммерческое предприятие.

Вот так дикая мысль, заскочив в сознание человека, не очень трезвого со вчерашнего вечера, может изменить жизнь и, к удивлению, даже в лучшую сторону. Правда, в то замечательное солнечное утро об этом не подумали ни Волошин, ни его бывшая одноклассница, ни нетерпеливая соседка, порывающаяся увести куда-то Лешку, ни рыжая кошка, трущаяся под столом о восемь человеческих ног сразу, ни дворничиха, орущая на весь двор, предрекая мученическую смерть тем, кто выбрасывает в окно пустые бутылки. Никто не ведал, что скоро наступят весьма существенные перемены в жизни некоторых из людей, сидевших за столом в маленькой комнате в доме на окраине великого города.

Вскоре все закрутилось и завертелось, и, хотя мир не перевернулся, для Волошина и Филатова изменилось многое. Может быть, сама жизнь не стала иной, а вот условия переменились. Алексей с Иваном открыли информационное агентство, дали ему красивое название «Интертайм» и объявили всему свету, что это первое в нашей стране независимое средство массовой информации. Многие поверили, хотя не поняли, в чем заключается независимость и от кого именно. Некоторые известные журналисты стали сотрудничать с новым агентством, а политики, которых вдруг развелось види-

мо-невидимо, давали эксклюзивные интервью. Интервью эти Иван с Алексеем продавали за границу, неплохо зарабатывая, даже очень хорошо — так, что и политикам немало перепало. Продажей информации занимался исключительно Иван, а Волошин уже тогда бросил все силы на рекламную деятельность. Очень скоро выяснилось, что жевательная резинка или леденцы могут принести доходы не меньшие, чем хорошо причесанные мужчины с горящим взглядом, выгодно торгующие своими идеалами.

Глава вторая

Что такое утро, Алексей Волошин уже давно забыл — проснулся он обычно к полудню. Летом, правда, приходилось подниматься чуть раньше: не давали спать птицы. А вот зимой можно поваляться в постели подольше.

За окном все равно ничего хорошего: то мороз, то слякоть, а то и вовсе каркают вороны. Хорошо было только в душевой кабине. К часу дня Волошин садился завтракать: обычно яичницей с ветчиной, сухариками с малиновым джемом и чашечкой кофе. После чего Алексей звонил директору рекламной фирмы, владельцем и президентом которой он сам и являлся:

— Как дела, Гриша?

— Все дела в прокуратуре, — вздыхал директор, — а у нас одна суета, да и то пустая.

Это было правдой: прибыль с каждым месяцем оказывалась все меньше и меньше. Алексей прекрасно понимал, что состязаться со столичными рекламными монстрами лучше не пытаться — пирог поделили без него, к тому же крыс, подбирающих крошки под столом, тоже хватало, так что долго продержаться на старых связях и приятельских отношениях вряд ли удастся. Разговоры с директором портили настроение, хотелось выскочить из дома и лететь в офис, самому впрячься в работу и что-то изменить, перевернуть, чтобы опять все закрутилось и завертелось, но вместо этого Алексей ходил по квартире и разговаривал сам с собой.

— Неплохо бы прибраться здесь, — говорил он, глядя по сторонам.

Квартира Волошина, несмотря на то что являлась самой что ни на есть холостяцкой, была не маленькой, и потому ге-

неральная уборка откладывалась на неопределенное время. А навести порядок следовало. «У кого грязно в доме, у того и на душе не чище», — говорила когда-то мама маленькому Алексею.

В квартире Волошина иногда обнаруживались предметы дамского туалета. Однажды он полез под кровать в поисках пепельницы и обнаружил там маленький никелированный револьверчик, в барабане которого находилось пять пулечек. Сколько времени провалялся револьверчик под кроватью, неизвестно, но, судя по всему, долго, потому что был весь в пыли. Никто не звонил и оружием не интересовался, так что установить владелицу не представлялось возможным. Поначалу, сидя на полу перед кроватью и стирая с револьвера пыль, Волошин усмехнулся: дожил, дескать, спал с киллершей. Потом напряг память, вспоминая, где и когда мог познакомиться с потенциальной наемной убийцей, но все впустую. Оружие, впрочем, оказалось газовым, и неизвестная дама постоянно держала его при себе, скорее всего, чтобы обороняться от сексуальных маньяков. Но маньяки, наверное, не хотели нападать, и потому надобность в револьвере отпала сама собой, а робкая женщина так и не вспомнила, где забыла свое личное оружие.

Волошин тогда положил находку в нижний ящик письменного стола, за который, кстати сказать, почти совсем не садился. В том же ящике лежали в своих коробках старшие братья дамского пистолетика: большой пневматический «магнум» и газовый «Иж». Волошин иногда доставал их, рассматривал, протирал и смазывал, но никогда не пользовался — даже не понимал, зачем приобрел их когда-то. Зашел, видимо, из любопытства в оружейный магазин и купил то, что понравилось. Вообще-то настоящий мужчина не может не любить оружие — некоторые представители сильного пола относятся ко всяким стреляющим предметам с большей нежностью, чем к женщинам, и даже спать ложатся с винтовкой или с пистолетом. Хотя, говорят, встречаются еще мужчины, которые без ума только от своей работы, считающие, что все эти игрушки — пистолеты, автоматы, дорогие автомобили и роскошные женщины, рыбалка и пивные посиделки, то есть то, что особенно ценится в мужском обществе, — развлечение для бездельников.

Если говорить честно, то у Алексея время от времени по-
18 являлось желание зайти в офис своего предприятия по двум

причинам: во-первых, дома ему становилось скучно, а во-вторых, денег на жизнь катастрофически не хватало. Тратил он в последние пару лет больше, чем зарабатывал, точнее сказать, больше, чем приносила дохода его рекламная фирма. Можно, конечно, включить режим жесткой экономии, отказаться себе в чем-нибудь не столь уж необходимом; но в чем — Волошин не знал. Например, изменить привычке покупать исключительно итальянскую обувь он не мог. Становиться снова таким, как все, почему-то не хотелось. Те, кто испытал однажды счастье если не быть сказочно богатым, то хотя бы удовлетворять свои финансовые потребности, боятся нищеты пуще старости и смерти. А люди, отошедшие от дел, уже разучились трудиться; маются, бедные, клянут переменчивое время и собственную судьбу, забыв, что именно труд — основа благоденствия. Им хочется вернуться в счастливые дни, когда у них была цель, пусть даже и не очень благородная, — разбогатеть, а сейчас приходится ухищряться и уверять себя, что походы в казино — просто развлечение, попытка убить скуку, а никак не желание обязательно выиграть.

То казино, в которое повадился ходить Волошин, несколько лет назад прикрыли. Как, впрочем, и остальные. Но это было респектабельным заведением, которое любили посещать уважаемые в обществе люди, а потому убрали только вывеску. Вместо «Казино «Рояль» теперь сверкала огнями надпись «Клуб «Жокей». Внутри теперь запускали по клубным картам, получить которые можно было только по рекомендации двух постоянных членов и после тщательной проверки службой безопасности заведения. Алексея, правда, пускали и без предъявления золотой клубной карты — как одного из постоянных членов. Ребята на фейсконтроле хорошо его знали. Иван Филатов бывал там гораздо реже, потому что жил далеко — в районе, где подобные заведения тоже имелись, может, не такие фешенебельные, но Филатову приходилось иногда возвращаться домой пешком, а потому, чем ближе к дому, тем сохраннее обувь.

Они встречались теперь не так часто, созванивались еще реже. А ведь были когда-то не только партнерами по бизнесу, но и ближайшими друзьями. Все делили пополам, и не только прибыль. А день, когда оба узнали, что сумма на личном счете каждого из них перевалила за миллион долларов, стал самым настоящим праздником. Особенно радовался Иван. Вечером они сидели под раскидистой пальмой за столиком

возле небольшого бассейна элитной баньки. В бассейне резвились девушки из открытого незадолго перед этим филатовым модельного агентства, и Ванька был вне себя от счастья.

— Все, все! — повторял он. — Теперь мы в кругу избранных! Смотри: мы ни в чем себе не отказываем, а денежки капают. Если так будет продолжаться, то...

Он захлебывался мечтами и французским шампанским. Размахивал руками.

— Через года два... нет, через год собственную радиостанцию откроем. Нет, лучше телеканал... А если дела пойдут еще лучше, то...

Дела лучше не пошли. И года не прошло, как они расстались. Не ссорились, а просто решили поделить бизнес.

Глава третья

На этот раз улица была ярко освещена, разноцветными огнями сверкала вывеска над входом, но никого не было видно ни около дверей, ни возле водосточной трубы. Алексей pokrutil головой, словно ища кого-то, а потом на мгновение замер: «Чего это я? Далась мне эта девчонка!»

Его самого удивило, почему он вспомнил о ней сейчас, ведь просто промелькнула какая-то тень и исчезла: стоит ли думать; в памяти задержались лишь чулочки в сеточку и сумочка в руках — ни лица, ни цвета волос: все осталось в прошлом, до которого нет никакого дела. Ночные тени часто возникают из глубины сознания, чтобы растаять в окружающем мраке, как зевок полусонного пространства, уставшего от людской суеты и прочих проявлений материального мира.

Двери раскрылись перед Волошиным, и волна теплого воздуха ударила по ногам. В вестибюле пахло женскими духами, дрожал тревожный свет люстр, отраженный в зеркалах. Дама в палевой норковой шубе подошла к своему отражению, поправила прическу, потом, не оборачиваясь, посмотрела в зеркало за свое плечо — там как раз застыл Алексей; дама бросила быстрый взгляд на его лицо, а потом на обувь Волошина. Он заметил это и отвернулся, уворачиваясь от ее оценивающего взгляда. Они виделись неоднократно. Дама приходила в казино часто и почти всегда одна, играла долго, засиживаясь до утра, и очень часто без всякого успеха. Много курила, запивая каждую затяжку сухим мартини со льдом. Движения ее были ленивыми, а взгляд неподвижным,

словно она однажды увидела такое, после чего происходящее уже не вызывало никакого интереса. Однажды Алексей стал свидетелем, как дама поставила на zero и выиграла. Крупье подвинул к ней кучу фишек, и она вдруг зашлась в долгом кокаиновом смехе.

Волошин прошел в зал, сел возле колеса рулетки. За столом сидели малознакомые люди с красными от напряжения лицами. Опускаясь в кресло, Алексей заметил за другим столом Ваню Филатова. Подходить к нему не хотелось.

Алексей поставил на красное, выиграл и снова поставил на цвет. Снова красное, опять он выиграл. Если в первый раз он положил на поле две стодолларовые фишки, то во второй поставил удвоенный выигрыш. «Шестьсот долларов прибыли за пару минут», — подумал Волошин, покосился на крупье, но лицо того оставалось непроницаемым, как будто крупье точно знал, какое число выиграет в следующий раз. И вдруг Алексей почувствовал, как засосало под ложечкой, прилила кровь к вискам, и он понял, догадался внезапно — сегодня ему повезет. От этой мысли радостная тоска сжала сердце и заставила задрожать руки.

— Господа, делайте ваши ставки, — ледяным тоном произнес крупье.

Волошин взял свои восемь фишек и поставил на zero, потом обернулся и посмотрел на спину Филатова — тот склонился над самым столом. «Не везет сегодня Ваньке», — подумал Волошин и тут же сунул руку в карман, вытащил еще горсть фишек и подвинул к своей маленькой кучке. Вспомнилось вдруг, как когда-то хохотала та самая дама, как она смотрела на него из зеркала, словно приценивалась перед тем, как купить и оплатить в кассе. Странная. От кого-то Волошин слышал, что она жена банкира, ему даже говорили название банка, но теперь он не мог вспомнить. Тогда она поставила на zero, и ей повезло.

«Не выпадет zero!» — подумал Алексей, протянул руку, чтобы забрать свою ставку, но крупье вдруг, торопясь, произнес:

— Ставки сделаны, ставок больше нет.

Шарик уже мчался по кругу.

Волошин поднял глаза, посмотрел на игроков, сидящих напротив, и поразился — какие жадные лица! А ведь наверняка они уверяют своих знакомых и, наверное, самих себя, что приходят сюда ради собственно самой игры — нажива 21

здесь, дескать, ни при чем. Каждый игрок, вероятно, читал роман Достоевского и запомнил как оправдание фразу, что игра ничем не хуже какого бы то ни было способа добывания денег, например торговли. Нет, Федор Михайлович не совсем прав: желание разбогатеть быстро и сразу живет в каждом. Все, наверное, хотят стать миллионерами за один вечер и без утомительного труда.

Шарик крутился, наконец запрыгал, застучал и замолчал. Колесо еще продолжало вращаться. Алексей боялся посмотреть на него. Но другие видели и уставились на Волошина.

— Зеро, — тихо сказал крупье и закашлялся.

Пытаясь остаться спокойным, Алексей достал из кармана пачку сигарет, потом зажигалку, шелкнул раз, потом другой — огня не было. Заметил, как трясутся руки. Шелкнул еще раз. Наконец появился язычок пламени, попытался затянуться. Не получилось.

— Ты фильтром прикуриваешь, — раздался за спиной чей-то голос.

Волошин обернулся, увидел Ивана. Даже не понял, зачем он здесь. Вынул изо рта сигарету и положил в подставленную кем-то пепельницу, к которой крупье подвинул горстку фишек. Не горку даже, а Эверест. «Сколько здесь? — подумал Алексей, — тысяч семьдесят или больше?»

Вокруг стояла тишина, слышно было, как дышал за спиной стул Филатов.

— Вы продолжаете игру? — спросил крупье.

И тогда Волошин взял горсть фишек и, не пересчитывая, поставил их на первую треть поля. Торопясь, как будто хотел побыстрее от них избавиться. И выиграл. Сидящий напротив человек побледнел и закусил губу.

— Леша, — прошептал умоляюще Филатов, — заканчивай!

Но сам же вдруг выхватил из лежащей перед Волошином кучи несколько фишек и поставил их на чет, а Волошин на черное. Выпало тринадцать черное.

— Прости, — прошептал Иван и покраснел, но не от стыда, а от азарта.

— Ладно, — кивнул Алексей, — пойдем передохнем.

После этих слов поднялся и стал рассовывать по карманам фишки; Иван помогал ему. Когда на столе осталось с десяток кругляшей, Волошин взял их, сложил стопкой и поставил

поставил на первую треть. Только что подошедший и оставшийся стоять парень с потухшей сигарой в зубах тоже поставил. Выпала десятка.

— Вам везет сегодня, — сказал молодой человек, не рожимая зубов.

Алексей бросил несколько фишек крупье.

— Благодарю, — кивнул тот.

Друзья подошли к стойке бара, карманы Волошина раздувались, Иван что-то говорил, но Алексей не слушал, пытаясь подсчитать выигрыш, хотя, казалось бы, можно просто подойти к кассе и обменять фишки на деньги. Только мчаться туда сейчас как-то стыдно: хотелось изобразить из себя солидного игрока, привычного к подобным успехам, что, впрочем, достаточно глупо — его здесь видели часто и знали, что играет он по маленькой ставке и обычно не пытается рисковать. А сегодня на тебе — взял и огреб такую сумму.

«Тысяч сто, наверное, — подумал Волошин, — или чуть больше».

— ...А он спрашивает: какой у вас среднемесячный остаток на счете, — донесся голос Филатова.

— Кто? — не понял Алексей.

— Да я же рассказываю тебе: хочу нового финансового директора взять. Один тут пришел, предложил свои услуги. До этого в банке работал, а в банках сейчас тоже душно. Я ему говорю...

— Что, — перебил его Алексей, — умирает твой бизнес?

В последнее время они виделись не просто редко, а чрезвычайно редко. Пожалуй, только в этом казино и встречались. Здоровались, конечно, иногда разговаривали. Как-то Волошин повез Ивана к дому, когда тот проигрался в пух. Но с того времени год прошел или чуть больше. Всю дорогу Филатов тогда молчал, а возле своего дома зло выругался. Вышел и в гости не пригласил. Даже спасибо не сказал за то, что его подвезли.

Но сейчас не хотелось вспоминать неприятное. Волошин чувствовал необычайный подъем, хотел скрыть свою радость, не смотрел в лицо приятелю, так как знал, что тот наверняка сегодня проигрался — Ивану, впрочем, везло редко.

— Выпьем что-нибудь? — предложил Алексей.

Филатов кивнул и сказал к прислушивающемуся к их разговору бармену:

— Два по пятьдесят виски.

— С вишневым соком? — поинтересовался бармен спокойным голосом, словно ему было не привыкать смешивать благородные напитки с дешевыми соками.

Он, как видно, уже изучил вкусы постоянных клиентов. Филатов кивнул и посмотрел на друга.

— Мне тоже, — махнул рукой Алексей.

При этом движении из его кармана донесся приятный перестук.

В баре решили долго не задерживаться.

Волошин хотел продолжить игру. Вернее, сначала получить выигрыш. Половину оставить, а на другую продолжить.

Приятели направились к кассе, где Волошин получил деньги. Без малого сто двадцать тысяч долларов. Запечатанные пачки числом одиннадцать, а остальные рассыпью.

— Не играй больше! Не играй, — нервно начал советовать Филатов. — Продуешь...

Когда Волошин все же отправился в зал, Иван дернул его за рукав и прошептал с мольбой:

— Прошу, не надо. Лучше мне дай...

Алексей обернулся и, достав из кармана два или три десятка банкнот, протянул приятелю:

— Возьми.

Филатов схватил деньги и сунул в карман брюк.

«Неужто у него все так плохо?» — подумал Волошин.

А вслух произнес:

— Сегодня мне повезло. Завтра — тебе. Удача, она как снаряд: в одну воронку не...

Но, увидев глаза Филатова, замолчал.

«Бедный Ванька!» — подумал он.

Они подошли к столу. Алексей хотел опуститься в кресло, но рядом тяжело дышал Филатов, которого уже колотило от желания игры. Алексей посмотрел на него и, продолжая стоять, все же решил сделать ставку. С тех пор, как казино ушло в подполье, здесь стали принимать и наличные, а потому Волошин вынул из кармана оставшиеся купюры и поставил на красное. Почувствовал, как рядом дернулся Филатов. Алексей остановил его движение и внезапно решил поставить еще. Рука в кармане наткнулась на пачку. Разрывать упаковочную ленту не было времени, и он положил всю упаковку на четыре поля.

24 — Ы-ы-ы, — простонал Иван.

Волошин обернулся и сказал приятелю:

— Успокойся, сейчас уходим.

А шарик уже постукивал и позвякивал, летя по кругу. Алексей не смотрел на колесо. Он обвел взглядом полутемный зал, в котором светились лишь лампы над игровыми столами. Народу немного — как и всегда, впрочем.

Колесо продолжало крутиться, но шарик уже угомонился.

— А-а-а, — выдавил удивленный Филатов.

Алексей посмотрел на рулетку. Выиграли обе ставки.

— Леха, — прошептал Филатов и повторил: — Леха, давай отсюда.

Волошин кивнул, не понимая, куда идти. Он даже выигрыш забирал с заложенными от неожиданности ушами. Столько он не выигрывал никогда. Однажды за вечер выпало пятнадцать с половиной тысяч, а на следующий день ушло двадцать три.

Все произошедшее только что — неожиданная удача, громадная сумма — существовало отдельно от Волошина — так, словно это не он, а кто-то другой, очень похожий на него человек стал избранником фортуны. Вот этот человек сейчас надевает пальто, подходит к зеркалу в вестибюле, поправляет кашне, любуется собой и прощупывает пачки банкнот, лежащие у него в карманах. А настоящий Алексей Волошин сидит дома, смотрит телевизор или спит. Да, спит, и сон очень похож на сказку.

Вышли на улицу. Волошин посмотрел по сторонам, не понимая, кого хочет увидеть. Подошли к машине, и только тогда Иван, переминаясь с ноги на ногу, тихо попросил:

— Леша, одолжи тысяч двадцать. А лучше пятьдесят.

Притворяться глухим не было смысла, и Алексей ответил:

— Да ты же все равно все в рулетку спустишь. Если хочешь, то пару тысяч готов прибавить к тем, что уже дал.

— Мне надо пятьдесят, дашь двадцать — тоже спасибо. Я отдам потом...

Филатов помолчал, а потом прижал руку к груди и заглянул Алексею в глаза:

— Клянусь, не на игру. То есть на игру, но на другую.

Волошину стало вдруг обидно оттого, что пришлось оказаться в таком дурацком положении. Стало жаль Ваньку, который просит, унижаясь, — видно, совсем у него плохо с деньгами, но отказать все равно придется.

— На игру не дам, — твердо произнес Алексей и добавил: — Садись в машину!

А приятель его поморгал глазами, вздохнул глубоко, избражая обиду, но все же открыл дверь и полез в автомобиль.

Глава четвертая

Сказать, что выигранные двести тридцать тысяч долларов сделали Алексея Волошина богатым человеком, было бы неправдой. Во-первых, у него имелись кое-какие накопления, даже несколько большие, чем сумма сегодняшнего выигрыша. А во-вторых, двести тридцать тысяч не такие уж большие деньги по нынешним временам, чтобы все бросить и радоваться жизни, думая о собственном здоровье и продолжительном отдыхе на каком-нибудь благоухающем тропическими цветами острове. Каждому, конечно, мечтается о чем-нибудь несбыточном, чаще всего о светлом будущем. Всякий, кому хоть однажды повезло, надеется, что удача теперь никогда не выпустит его из своих объятий и можно будет наладить жизнь, изменить ее, прожить в вечном счастье. Если фортуна отвернется когда-нибудь, то до этого страшного момента все уже будет подготовлено, накоплено и куплено на век вперед, чтобы не надеяться на благосклонность богини с повязкой на глазах и не верить судьбу металлическому шарикю.

«Все! — подумал Волошин, как только сел в свой автомобиль. — Теперь никакой игры. Только работа! Все должно измениться, и существование мое должно быть достойным человека, который за всю жизнь не сделал никому ничего плохого».

Волошин посмотрел на притихшего грустного друга и пожалел его, несчастного.

«Мое *существование*», — внутри у него похолодело от этого страшного и холодного слова.

А ведь действительно он существует как животное в зоопарке, которое получает ежедневное питание, имеет клочок своего пространства и ни о чем больше не думает. Глядит на проходящий мимо поток людей, не проявляя никакого интереса. От такого сравнения стало обидно: неужели он недостойн иной участи? Жизни, полной смысла, интересных встреч, путешествий и приключений — такой, чтобы его уважали умные мужчины и любили красивые женщины, а прекрасные 26 девушки, засыпая, представляли себе его лицо, надеясь уви-

деть в снах этого отважного и удачливого человека? Конечно, такого никогда не будет, но хотелось бы. Может быть, если измениться самому, стать добрым и участливым, небо пойдет навстречу и подарит нечто большее, чем победу в состязании с рулеткой. Может быть, дать Ивану деньги, которых он так домогается? Даже зная, что он не вернет никогда и вообще исчезнет из его жизни, чтобы не слышать попреков в свой адрес и вопросов: «Когда долг отдашь?»

Филатов всю недолгую дорогу на Васильевский молчал. Только когда вошел в лифт, поглядел на себя в зеркало, погладил подбородок, словно проверяя, насколько гладко выбрит, произнес, не отрывая взгляда от своего отражения:

— Сколько сейчас твоя квартирка стоит? Полмиллиона баксов, несмотря на все кризисы. А ведь когда брали, ты свою, а я свою, то цена была практически одинаковой. А теперь, когда я свою хотел заложить, в двести пятьдесят оценили. Вместе с мебелью.

— Неужели у тебя все так плохо? — удивился Алексей, интересуюсь тем, в чем уже не сомневался.

Филатов кивнул. Тут лифт остановился, прибыв на четвертый этаж. И потому Иван закончил уже на площадке:

— Нет, нормально все; только перспектив никаких. Живу как все.

Волошин промолчал, понимая, что жить как все Ванька не может. Как и он сам, впрочем.

Теперь Филатов сидит в кресле посреди гостиной квартиры Алексея, пьет шампанское, делает вид, будто ему и впрямь весело, но притворяется неумело.

— Может, ты в блудняк какой влез? — поинтересовался Волошин. — За тобой теперь гоняются кредиторы?

...я убью тебя нежно
поцелуем своим... —

под перезвон гитарных струн запугивала кого-то с экрана телевизора темноволосая девушка.

— Глупо, — сказал Филатов.

Вряд ли это относилось к девушке и к ее песенке. И все же Иван посмотрел на певицу, вздохнул и взял со стола бутылку коньяка, налил себе в бокал, в котором еще оставалось шампанское. Не дожидаясь Алексея, выпил залпом, поморщился и, отвернувшись в сторону, сказал:

— Никто за мной не гоняется. Я дело сворачиваю, почти всех уволил, офис свой сдаю, на это и живу. Ну, еще на проценты с депозита. Если в рублях считать — тысяч триста в месяц набегает. Даже больше. Одному хватает...

Филатов скривился:

— Вроде хватает. А тут деньги понадобились. Почему-то думал, что ты сможешь помочь.

— Хорошо, — согласился Волошин. — Я дам тебе... Не пятьдесят, а двадцать тысяч. Устроит?

Иван кивнул.

— В конце концов, они мне и вовсе даром достались.

— Дело не в деньгах, — махнул рукой Филатов. — Я к тебе на самом деле за советом больше обратился. По глупости в одно дело влез, а теперь не знаю, что делать. С одной стороны, хотелось бы поучаствовать, а с другой...

Он не договорил, снова взял бутылку, плеснул в подставленный хозяином бокал, а потом и в свой. Какое-то время сидели молча, только девушка на экране радовалась неизвестно чему.

— Думал, разбогатею и тогда обязательно с ней познакомлюсь.

Иван рукой, в которой держал бокал, показал на телевизор, на экране которого девица продолжала поражать бессмыслицей про поцелуй, похожий на выстрел в висок.

Коньяк выплеснулся и пролился на стол. Филатов посмотрел на лужу, а потом протер стол рукавом пиджака. Кажется, он был уже пьян. Да и Алексей, пожалуй, тоже.

— Когда денег много, можно позволить себе все, — скривился Иван, — даже с такой замутить.

— Мечтать не вредно, — усмехнулся Волошин.

— Мечтают только нищие, — зло ответил Филатов. — Человек с большими деньгами даже подумать не успеет, а у него уже все есть. Ненавижу нищету!

Волошин поднялся из-за стола, подошел к стулу, на спинке которого висел его пиджак, сунул руку в карман и достал оттуда две пачки в банковской упаковке, положил перед Иваном:

— Возьми.

Но приятель почему-то скривился и одним пальцем отодвинул от себя деньги.

28 — Я не нищий. Деньги, конечно, не помешали бы, но

больше требуется помощь. Если честно, деньги — это только предлог, чтобы с тобой поговорить...

Это было уже совсем непонятно: то нужны деньги, то нет. На бедность жаловался, а теперь вдруг гордость показывает. Сидит круглый, как колобок, пьет французский коньяк, чужой, правда, изображает из себя несчастного, мечтая о популярной певице. Девушка исчезла с экрана, раздались звуки мелодии, чем-то похожей на ламбаду, и полуголые мулаты и мулатки начали крутить бедрами.

— Выключи, — попросил Филатов. — А то меня стошнит.

Как только наступила тишина, он начал свой рассказ, который поначалу показался Алексею бредом, выдумкой или розыгрышем. Чем дольше он слушал, тем внимательнее становился, понимая, насколько серьезной может оказаться ситуация.

Как выяснилось, Иван, чьи дела шли не лучше, чем у Волошина, а может быть, даже хуже, от скуки или для получения какой-нибудь интересной и полезной информации, за которую можно было бы уцепиться, начал ползать по Интернету. Дело весьма увлекательное, почти как игра в рулетку, только прибыли не приносит. И вот совсем недавно он стал наткаться на объявления: «Если вы хотите за короткое время заработать кучу денег...», «Сетевая игра для сильных мужчин в отнюдь не виртуальном пространстве...», «Для людей, ищущих приключения и уставших от пресной жизни...» Поначалу он подумал, что это реклама какой-то игры, затем решил: ищут наемников. Потому что в этих объявлениях часто говорилось об умении владеть оружием, приемами самообороны и конспирации. И в один прекрасный момент, впрочем, скорее всего, в минуту умопомрачения, решил узнать, о чем в действительности идет речь. Это оказалось нелегко — пришлось проходить целую систему тестов, которые помогали взламывать охранные коды, определять пароли и получать дополнительную информацию. Оказалось, действительно игра, которая должна начаться с первого дня нового года. Когда Иван наконец понял принцип и основные правила, он не поверил, но природная любознательность заставила идти дальше до тех пор, пока он не вышел на сайт «Мировая игра «Горец». Игра на самом деле была не виртуальной, и победитель должен был получить один миллиард долларов или около того. Сумма поразила, и Иван начал задумываться. В игре мог принять участие любой же-

лающий, но для того, чтобы стать участником, требовалось перевести на указанный счет десять тысяч. Это походило на мошенничество, и любой здравомыслящий человек отказался бы, но Филатов уже почти все знал об условиях и потому поверил: все реально, и миллиард тоже. А потому задумался всерьез. Денег хватало только на жизнь, причем не очень интересную, а вот чтобы купить светлое будущее, никак. А тут миллиард! Пообещали бы миллион или два — он бы отказался, не раздумывая, но девять нулей превращают любую черточку перед ними в волшебную палочку, одним взмахом которой можно превратить себя в одного из самых значимых людей на Земле!

Филатов думал долго, целую ночь и почти весь следующий день. Потом взял и отправил на счет десять тысяч долларов. После чего получил порядковый номер участника 2815 и прозвище, которое сам себе придумал и под которым его будут знать другие игроки — Вампир. Кровожадно, но сама игра, в которой предстояло принять участие, еще страшнее. Принцип был прост и основан на популярном в прошлом фильме «Горец», в котором бессмертные люди, неизвестно как появившиеся среди обычных, гонятся друг за другом с мечами, чтобы отрубить голову, потому что только таким образом можно убить бессмертного и забрать его силу. Последний оставшийся в живых должен стать суперчеловеком, только непонятно для чего. В игре все участники жеребьевкой разбиваются на пары, причем один гонится за другим, а тот охотится на третьего. У каждого открытый счет, на котором лежат десять тысяч, внесенных в качестве залога. Убивший свою жертву охотник получает его деньги. Средства на счете каждого увеличиваются с новой победой. Конечно, глупо давать задание: пойди туда, не знаю куда, и убей того, не знаю кого. Поэтому каждый сообщает о себе сведения и даже отправляет организаторам свою фотографию. Сведения должны быть подлинными. В противном случае игрок вылетает, а его уставной взнос поступает в распоряжение организаторов для оплаты накладных расходов и стимулирования остальных, которые получают бонусы по результатам каждого месяца игры. Поскольку сведения находятся в распоряжении организаторов, то любой участник может купить подсказку, как в обычной компьютерной игре. Например, хочешь узнать адрес своей жертвы или же охотника на себя, отправь пять тысяч, хочешь получить фотографию — тоже пять. Деньги

поступают на счет того, кто дал о себе сведения, и он становится только богаче, а будет ли после этого спать спокойно — неизвестно. Кстати, правила не ограничивают способы убийства и не заставляют участников делать все своими руками: прежде всего результат, а как он получен — неважно; нанял ли участник опытных киллеров или жертва умерла от страха ожидания — не имеет никакого значения. Не вышел участник на связь в положенное время — считается выбывшим. Правда, и охотнику надо представить свидетельства своей победы. Достоверными являются сюжеты криминальных новостей или же любое иное сообщение в средствах массовой информации. А лучше видеосъемка убийства, отправленная на сайт игры.

— Лично я никого убивать не собирался, — заявил Филатов, — и сейчас тоже не собираюсь. Буду просто стравливать их друг с другом. Если на меня кто-то охотится, то на этого есть свой охотник, которому я передам сведения на своего предполагаемого киллера. Например, сообщу, что буду находиться там-то и там-то, не одному человеку, а многим сразу, дам приметы на каждого, они приедут и перестреляют друг друга. И это еще не все. Я разработаю целую систему для уничтожения этих гадов.

Филатов рассказывал, Алексей слушал с превеликим недоверием. Даже однажды прервал Ивана, сходил в кабинет и вернулся с дамским револьверчиком.

— На! Пригодится для самообороны.

Филатов даже не улыбнулся. Опять налил себе коньяка. Пить не стал, поставил бокал на стол и вздохнул, понимая, что ему не верят.

— Продолжай, — сказал Волошин. — Я внимательно слушаю. Ты что же, собираешься убивать? Убивать, пусть даже чужими руками?

Похоже, что эта проблема мучила его друга более всего. Он покраснел от напряжения, потом покашлял немного, глотнул коньяка и наконец сказал:

— Я вообще не умею этого делать. Воспринимаю эту игру как чисто виртуальную, хотя и с реальными результатами. Мне главное, выжить, а эти, которые себя вообразили убийцами и хотят ими стать, пусть сдохнут.

Иван, похоже, запутался в собственных мыслях.

— А как думаешь заработать и живым остаться? — поинтересовался Волошин.

И тогда Филатов объяснил то, что придумал. Оказывается, он решил найти второго участника, причем сразу подумал о Волошине. Вдвоем они спрячутся в недосыгаемом месте, подождут, когда все остальные перестреляют друг друга. Из всех в живых останутся только они, после чего изобразят гибель одного, а второй получит премиальные, останется разделить их поровну. Вполне вероятно, кто-нибудь из киллеров выйдет на них, но вдвоем отстреляться будет легче, к тому же можно сидеть в каком-нибудь бункере, предварительно сделав запасы продовольствия и воды.

— Долго сидеть? — поинтересовался Алексей.

— Организаторы подсчитали, что игра закончится через два-три месяца, а может быть, раньше.

— А вдруг кто-нибудь обратится в правоохранительные органы и Интерпол все прикроет, а игроков, тех, кого еще не убили, пересажуют?

— Нет, — покачал головой Иван, — организаторы уверяют, что такие случаи предусмотрены, отступников будут выводить из игры рейнджеры. Только, думаю, в отношении нас это не потребуется.

— Нас? — удивился Алексей. — Считаешь, я соглашусь?

— Будь другом!

Филатов произнес это таким тоном и посмотрел так, как обычно делает новобранец, просящий товарища оставить ему сигаретку на пару затяжек.

— Ты разве боишься? — спросил он.

— Нет, — тряхнул головой Волошин. — Но вдруг придется убивать людей?

— Да какие это люди? Убийцы! Пока они на нас выйдут, а скорее всего, никогда, на совести каждого уже будут десятки смертей. Да и потом, кто захочет участвовать в такой страшилке? Только мафиози, профессиональные киллеры да маньяки. Избавить от них человечество — не грех.

— Убийство всегда грех. Шестая заповедь гласит: не убий.

Но Филатов не слушал приятеля. Он раскраснелся и вскочил.

— Ты просто не хочешь мне помочь. Струсил. Не ожидал я от тебя. Спасибо, друг.

Он снова опустился на стул, покосился на лежащие перед ним две пачки банкнот и вздохнул:

— Забудь! Я тебе ничего не говорил, ты ничего не знаешь.

32 Не вздумай ни с кем делиться информацией, а то эти рейн-

джеры... Я к тебе пришел за помощью, потому что ты опытный в этих делах и стрелять умеешь.

Это был явный перегиб: весь опыт Волошина заключался в том, что он иногда играл в пейнтбол, а в детстве ходил с отцом на гарнизонное стрельбище. Правда, пейнтбольная команда, за которую он выступал, победила однажды в городском турнире, но там-то стреляют лишь шариками с краской, а после игры и победители, и проигравшие вместе пьют пиво и смеются.

А после того, что предложил Филатов, будут пить не пиво, а напитки покрепче, но только другие люди. И вряд ли кто-нибудь станет смеяться на их поминках.

— Ладно, я согласен, — произнес Алексей и почувствовал, как похолодела спина.

Шанс отказаться или перевести все в шутку оставался еще утром, но Ваня с такой страстью стал объяснять помеченные им дальнейшие действия, что не удалось бы вставить и слова. Все развивалось помимо воли Волошина, словно утро еще не наступило, а сам он спит и продолжает видеть сон. Даже когда Филатов сел перед компьютером, Алексей спокойно примостился рядом, сунул в рот мятные леденцы и начал наблюдать. Только когда приятель набрал пароль и вошел на сайт игры, на экране появились кадры из фильма «Горец» и загремела тревожная музыка, Волошин очнулся.

— Представься, — попросил Иван, — придумай себе какое-нибудь имя.

— Минтон, — быстро произнес Волошин, перекатывая во рту леденец.

По экрану побежал английский текст. Алексей не стал вчитываться. Зато Филатов начал быстро переводить:

— Тебя приветствуют... тыр-пыр... Игра для настоящих мужчин... у тебя есть возможность стать повелителем мира... тыр-пыр... Ну, это ты все знаешь. Теперь для получения дальнейших инструкций ты должен перевести десять тысяч на указанный счет, потом получишь порядковый номер для участия в компьютерной лотерее выбора твоих первых соперников.

Ваня поднялся с кресла, уступая место перед компьютером.

— У тебя есть счет за границей, с которого можно осуществлять электронные платежи? — спросил он.

Волошин подумал немного и признался:

— Что я, хуже других?

Через десять минут сделка была завершена, а еще через час компьютер подал сигнал, что в почтовый ящик Волошина поступило сообщение. Громко прозвучала мелодия старой песни про Вологду.

— О-о! — удивился Иван. — А у меня такого нет. Каждый раз приходится залезать и проверять, пришло что-нибудь или нет.

Алексей объяснил, что это изобретение одного из сотрудников его рекламной фирмы, а может, и нет: парень, скорее всего, скачал его откуда-то, и вообще он прекрасный компьютерщик, возможно даже хакер.

В сообщении Минтона поздравили с приобщением к элите мужественной половины человечества, указали его личный номер «9999».

— Хорошее число! — сказал Алексей.

А к Филатову прицепилась песенка про Вологду.

Он даже пропел:

— Письма, письма лично на почту ношу...

Но тут же замолчал и сделал удивленные глаза:

— Надо же! Две недели назад я был в хвосте третьей тысячи, а ты уже практически десятитысячный. Сколько же всего наберит участников, если до начала ровно десять дней?

Тут же решили подсчитать, сколько необходимо совершить убийств, чтобы выиграть, — выходило по-разному: то четырнадцать, то пятнадцать. Но это только жертвы, а ведь нужно еще избавляться от преследователей.

— Хорошо, что мы никого убивать не собираемся, — радостно поделился своими мыслями Филатов. — А то на одних патронах разориться можно.

Сбежали за пивом и, сидя на кухне, составляли программу дальнейших действий.

— Жить можно за городом, — предложил Алексей. — У меня домик в Токсове. Камин, спутниковая тарелка, опять же магазин в двух шагах — скучно не будет.

— Магазин отпадает, — предостерег Иван, — заранее всем затаримся, свет зажигать не будем и в подвал залезем. Подвал имеется?

Волошин кивнул, но, вспомнив габариты своего подполья, произнес:

34 — Только тебе похудеть придется, там тесновато.

Но Филатова это не смутило, он даже обрадовался:

— Хорошо, я как раз думал внешность изменить, бороду отрастить, парик светлый нацепить и темные очки, а заодно и похудеть.

— Темные очки для подвала в самый раз — у меня там ни света, ни проводки.

— Проведем! — уверенно заявил Иван.

Он посмотрел на стол. Потом снял с него пустую бутылку. И задумался.

— Может, еще пивка возьмем? Когда еще сподобимся, а? Выпьем, и сразу сухой закон до конца игры.

Пива купили много, чтобы не рисковать лишний раз бегать в магазин, и потому очень скоро начали болтать обо всем подряд, хотя и по делу тоже:

— Надо составить список, чего купить. Продуктов с запасом, а то вдруг и за полгода не закончится, а знакомым и родственникам скажем, что уезжаем в долгосрочную командировку. Разговоры с близкими родственниками только по мобильным телефонам, которые необходимо приобрести на подставных лиц...

Иван так складно начал излагать, что у его собеседника не возникло никаких сомнений — все давно обдумано.

— Без женщин, конечно, будет тяжело. Но за пятьсот миллионов каждый может потерпеть. Потом, говорят, для здоровья полезно.

— Кто говорит? — не понял Волошин. — Жены твои?

Приятель замолчал и засопел: судя по всему, Алексей попал в точку. Ванька был женат трижды, и каждый раз весьма непродолжительно. Только с первой прожил полтора года, а с последующими и того меньше.

— Кстати, — спросил Филатов, — а сколько у тебя на счете?

— Если ты про швейцарский, то там гроши. Открыл депозит на всякий случай: вдруг срочно потребуется куда-нибудь деньги спрятать. А в российских банках осталось триста с небольшим тысяч долларов, — признался Волошин. — Да еще те, что вчера выиграл. Итого у меня...

Он хотел подсчитать, но Ваня опередил друга:

— Пятьсот десять.

Двадцать он уже, как видно, вычел.

— Надо же, — тут же удивился Филатов, — выходит, я богаче тебя. А думал, что ты развернулся, миллионер давно...

— А у тебя сколько? — поинтересовался Алексей.

Но приятель, наверное, не расслышал вопроса и потому быстро спросил:

— Что ты вчера говорил про какую-то заповедь?

— Не убий. Не знаешь разве? Убивать нельзя и заповеди нарушать тоже.

— А мы и не собираемся, — Филатов заглянул другу в глаза, — ведь правда? А если и грохнем кого, то в порядке самозащиты. Бог простит.

Он налил себе пивка, потом поймал вилкой кусок вареного осетра, на котором лежала долька лимона, и отправил в рот. Вынул лимонную корку из-за щеки и, не переставая жевать, поинтересовался:

— А какие еще заповеди есть?

— Не сотвори себе кумира, помни день субботний...

— Нет, нет, — замахал рукой Иван. — Я о тех, которые мы нарушали бы не специально, а по обстоятельствам.

— Не кради, не лжесвидетельствуй, не возжелай дома ближнего, ни жены, ни раба, ни вола его. Еще не прелюбодействуй...

— Ага, — обрадовался Филатов, — хочешь сказать, что всю жизнь говорил только правду и не желал жены ближнего? Не прелюбодействовал? А кто с моей женой спал?

— Но вы тогда уже не жили вместе... И потом, она сама ко мне приехала. Так уж получилось.

— Но я тогда еще с ней не развелся, — наседал Иван. — Штмп о разводе в паспорте был? Нет! Ты бы попросил Нинку паспорт показать, прежде чем... Так кто кого возжелал, кто не прелюбодействовал? Сам заповеди нарушаешь, а другим жить запрещаешь как они хотят.

— Извини.

— Да ладно, — отмахнулся Иван. — Я, между прочим, когда фирму делили, сам тебя на сотню тысяч баксов нагрел, и ничего, прыщами не пошел, не покраснел даже.

Больше они не спорили. И вообще день закончился неожиданно быстро, а на следующее утро они поехали покупать оружие для Алексея. У Филатова карабин «Вепрь» уже имелся, только Иван, купив его неделю назад, так и не удосужился хотя бы раз выстрелить. Это мероприятие решили провести уже за городом, в лесу, до которого от дома Алексея не более

Глава пятая

От конечной станции метро до поселка Токсово можно и пешком добраться, хотя большинство, а впрочем, наверное, даже все, предпочитают на автомобилях — для современных людей десять километров путь далекий. Странно даже: в наше время, когда и другие континенты стали ближе, потому как ничего не стоит перелететь с одного на другой за полдня, пройтись пару часиков пешком — тяжелая и утомительная работа. А ведь как прекрасно не спеша шлепать по обочине шоссе вдоль кустов вербы и молодых березок. Пахнет иван-чаем, краснеют ягоды придорожной земляники, птички радуются жизни. Зимой, когда лес облысел и вдоль кювета торчат голые ветви ивняка, тоже неплохо — во все стороны вид открывается неоглядный, снег искрится на солнце, выются штопоры дымов над трубами далеких домиков. А если идти вдоль дороги зимней ночью? Хорошо, когда морозец — снег скрипит под ногами, звездное небо над головой, впереди между холмами разбросаны созвездия светящихся окошек незнакомых деревушек. Они как ориентиры; идешь и думаешь: хорошо бы добраться скорее домой, стряхнуть с обуви снег, скинуть шубейку и прочую теплую одежду, потому что в доме натоплено, и слова, которыми встретят тебя, будут тихими и жаркими. Но домашний очаг далеко, шагаешь по дороге, смотришь на свет, и все равно становится теплее при любом морозе. Всегда можно свернуть и постучаться в любое окно. И тебе откроют и впустят, обогреют и нальют чего-нибудь горяченького.

Только вот теперь люди пешком не ходят и потому стали далеки друг от друга, хотя, может быть, живут совсем рядом: в километре или в двух шагах.

На самом краю поселка на берегу небольшого озера стояли два десятка коттеджей, похожих друг на друга: оштукатуренные белые стены, красные черепичные крыши, одинаковые заборчики и сосны, как под копирку одного возраста и роста.

— Кто у тебя соседи? — спросил Филатов.

Но Алексей только плечами пожал:

— Не знаю. При встрече здороваемся, а подробностями я не интересовался. Появляются здесь, как и я, только летом; зимой приезжают изредка, чтобы на лыжах с горок показаться.

— Тогда тем более надо быть осторожным, — негромко напомнил Иван. — Вдруг среди них есть наемные убийцы.

Токсово, кстати, место, любимое лыжниками, — здесь когда-то проходили крупные соревнования по гонкам и биатлону, есть даже трамплин для прыжков и парочка трасс для любителей слалома и скоростного спуска: трассы не крутые и не длинные — не Альпы, но народу все равно приезжает изрядно. Серьезных состязаний здесь уже давно не проводили. И все же базы спортивных обществ продолжают принимать спортсменов, прибывающих на тренировки и сборы.

К дому подъехали на «Лексусе» Волошина. Иван решил не брать свой «БМВ» из соображений конспирации. Почему-то ему казалось, что, увидев у подъезда дома филатовский автомобиль, кто-то не усомнится, что хозяин дома не скрывается и не уехал куда-то, например на Сейшелы или в Швейцарию.

Волошин загнал автомобиль в подземный гараж. Запер двери изнутри, а потом они с Иваном начали разгружать багажник, перенося привезенную провизию в подвал, благо что один из входов вел прямо из гаража.

Подпол разочаровал Филатова: два шага в длину, столько же в ширину, вдоль стен полки. Ни кровати, ни дивана, ни стола со стульями.

Иван вздохнул, оглядев каморку:

— Это только на самый крайний случай.

— Думаю, до этого не дойдет, — успокоил его Алексей. — Игра все-таки.

— Да, да, — поспешно согласился его друг и помрачнел.

Но пока Алексей устанавливал в подвале розетку, чтобы можно было подключать компьютер, Иван оглядывал полки и проверял их на прочность.

Чем ближе становилось начало нового года, а значит, и начало игры, Филатов все больше грустнел. Вздрагивал от каждого стука, в комнату заходил только в том случае, если знал, что шторы плотно задернуты и свет погашен. Когда он впервые увидел дом и металлические решетки на окнах первого этажа, возмутился:

— А почему на втором нет? Ты просто наплевательски относишься к нашей безопасности.

Он и дверь, ведущую в подвал, требовал заменить на металлическую.

Это могло показаться смешным, если бы Волошин и сам не начал нервничать. Порой он даже думал, что полгода им не продержаться: перестреляют друг друга, тем более оружие теперь было у обоих — по охотничьему карабину с оптическим прицелом и по пистолету «ПМ» на каждого. Пистолеты приобрели случайно. Когда покупали карабин Алексею, выяснилось, что оружейный магазин принадлежит его приятелю по пейнтбольным баталиям. Хозяин подошел к Волошину и предложил поболтать в кабинете. За чашечкой кофе Алексей как бы невзначай спросил:

— А можно пистолет приобрести? Лучше парочку.

Радужный владетель заведения тут же предложил два новеньких «ПМ» со сбитыми номерами, предупредив только, что он ничего не продавал и волены эти в глаза не видел. Положил в карман, не пересчитывая, три тысячи долларов, а при прощании сказал:

— Заходите еще. Если какая помощь нужна, я всегда готов.

За это предложение попытался уцепиться Филатов, но Алексей подтолкнул его в спину:

— Поехали домой!

В машине Иван попытался уговорить друга:

— Ведь он сам помощь предложил. Мы ему хорошо заплатим, он человек опытный, у него в магазине вооружения на целую роту хватит. Может, возьмем в долю? Выделим миллионов пятьдесят или двадцать. Как ты думаешь, за двадцать миллионов долларов он согласится нас охранять?

Филатов мог распространяться еще долго, но Алексей прервал его:

— Какие двадцать миллионов? Он тебя за двадцать рублей сдаст.

— Надо же! — расстроился Иван. — А с виду вполне приличный человек.

С пристрелкой оружия тянуть не стали. Утопая в снегу, добрались до лесочка, нашли небольшой овражек, расставили на снегу алюминиевые банки и начали палить по ним со склона. Расстояние до цели было шагов двадцать, и Волошин подтвердил свой пейнтбольный класс, а вот Иван, расстреляв все выданные ему двадцать патронов, не попал ни разу.

— Может, у меня с оптикой что-то или мушка сбита? — виновато произнес он.

Начал осматривать свое оружие.

— Или дуло кривое?

Алексей взял из его рук карабин, зарядил и, не ложась на снег, стоя, выстрелил дважды. Две банки отлетели в сторону.

Начинало смеркаться. Друзья шли к дому по уже проложенной ими трассе. Волошин нес оба карабина. Ванька старался попасть в его след, отставал и, чтобы задержать друга, пытаясь обратить на себя внимание, не говорил: «Погоди, Леша, помедленнее чуток», а льстиво повторял:

— Хорошо, что ты такой великолепный стрелок. Не разочаровался я в тебе, не зря тебя выбрал.

Это раздражало Волошина.

Вечером, когда Алексей готовил ужин, Ванька крутился тут же на кухне и ныл:

— Зря мы сухой закон объявили. То есть, конечно, не зря, но пива пару упаковочек надо было захватить. Время ведь еще есть, так что, может, расслабимся напоследок?

— А девочек тебе не вызвать?

— А что? — встрепенулся Филатов. — Можно. Вдруг последний раз в жизни.

Губы у него задрожали. Как видно, он представил себе, что самое лучшее уже позади, да и сама жизнь тоже может скоро оборваться.

— Леша, — прошептал Вампир. — В последний раз, а? Могу сам в магазин сбегать.

Волошин снял с себя фартук, бросил его в угол. Надел дубленку, взял спортивную сумку и вышел. Не пройдя и десяти шагов, услышал, как за спиной хлопнула дверь. Филатов сбегал с крыльца.

— Я с тобой, а то одному не по себе.

И, догнав друга, шепотом добавил:

— К тому же стреляю не очень хорошо, как выяснилось.

В магазине Алексей снимал с прилавка коньяк, шампанское, бутылки с колой и пивом, а Иван строил глазки девушке-кассирише:

— Простите, а у вас есть мексиканское пиво?

— В магазине нет, — пережевывая ментоловую резинку, лениво ответила девица, — а в кафе разливное «Корона».

— Где? — не понял Филатов.

— На улицу выйдите, рядом дверь.

Иван умоляюще посмотрел на друга. Потом изобразил

— Леша, я прошу — в последний раз! «Корона» как-никак.
— Ага, — разозлился Алексей. — Сначала мексиканское пиво, потом текила, а кончится все ламбадой. После чего с тебя снимут сомбреро вместе с головой.

Но Вампир уже высочил из магазина и шмыгнул в соседнюю дверь, за которой гремела музыка.

За одним столиком сидели двое местных пареньков, за другим — две девушки. Еще четыре стола не заняты, но Филатов подсел, конечно, к девушкам. Поначалу они думали его прогнать, но, оценив дубленку, решили пересесть за другой стол сами, а когда увидели подошедшего Алексея, переглянулись и остались. От предложенного мексиканского пива подружки не отказались, хотя оказались спортсменками-биатлонистками и находились здесь на сборах на армейской спортивной базе. Девушки были в одинаковых спортивных костюмчиках. Одна из них — светлая с русыми до плеч волосами, вторая — крашенная жгучая брюнетка с короткой стрижкой. Волошин устроился рядом со светленькой.

После того как Алексей с Иваном осушили по две кружки пива, Филатов крикнул через весь стол молоденькой барменше, читающей за стойкой книгу:

— А у вас в баре текила имеется?

И очень обрадовался, услышав утвердительный ответ. Все остальные от кактусовой настойки отказались, а оба паренька, которым текилу не предложили, и вовсе ушли. Девушки с интересом наблюдали, как Филатов посыпал солью ободок своей рюмки, положил в рот дольку лимона, после чего залпом выпил любимый напиток гаучо.

— Я, между прочим, очень известный петербургский журналист и бизнесмен. Владелец крупного информационного агентства, — сказал он и тут же указал на Алексея: — А это мой телохранитель. Кстати, стреляет как бог.

Девушки с интересом поглядывали на Волошина, и каждая улыбнулась своим мыслям. Филатов откинулся на спинку стула и посмотрел на спортсменов. После чего оглянулся и, наклоняясь над столом, перешел на шепот:

— Девчонки, скажите мне, а не согласились бы вы за двадцать...

— Никогда, — разом произнесли подружки.

— ...Миллионов, — не слушая их, продолжал Филатов.

Но Алексей под столом ударил его ногой.

— Нет, я только хотел...

— Девушки, — перевел разговор на другую тему Волошин, — у вас на базе есть стрельбище или тир? Хочу заняться с господином бизнесменом стрелковой подготовкой.

— Оружие у нас собственное, — признался Иван и полез во внутренний карман за пистолетом.

Но Алексей выдернул его руку обратно. Филатов не обиделся, повторил только:

— Он стреляет как бог.

— Тир есть и стрельбище тоже, но...

— Мы заплатим, — сказал Волошин.

Брюнетка пообещала поговорить с тренером, который вряд ли откажет, потому что тоже очень любит текилу, и не только ее одну. Светловолосая, которой, судя по всему, не понравилось упоминание о пристрастиях тренера, сказала тихо:

— Не откажет, он очень хороший человек.

И тут заиграла ламбада.

— Моя любимая песня, — заявил Иван, — мне ее пела мама, когда я еще в колыбели лежал.

— А кто у вас мама? — спросила доверчивая брюнетка.

— Рабыня Изаура, — ответил за друга Алексей.

Спортсменки непонимающе переглянулись, и тогда Волошин объяснил:

— Первый бразильский сериал на нашем телевидении. Вас тогда, пожалуй, и на свете не было. Вот такой у меня друг старый.

Иван не обиделся, снова откинулся на спинку стула и произнес с тоской:

— Эх, девушки. Если бы вы только знали, как хорошо сейчас в Бразилии! А в Рио скоро карнавал начнется... Давайте махнем туда вместе!

— У нас соревнования, — ответила светленькая и посмотрела на Алексея.

Волошин улыбнулся ей, давая понять, что его друг шутит. Иван и в самом деле никогда не был в Бразилии и до сего момента не собирался.

Брюнетка заметила улыбку, предназначенную не ей, и закусила губу.

Подружек звали одинаково — Надя.

Утром повалил снег. Алексей смотрел на крупные белые хлопья, медленно пролетающие мимо окна. Брезжил рас-
42 свет, а рядом лежала олимпийская надежда. На плече у де-

вушки была цветная татуировка — бабочка «мертвая голова». Алексей наклонился и поцеловал крылышко.

— Это наклейка, — не открывая глаз, прошептала Надя. — Если хочешь, сниму.

— Не надо, — шепнул Волошин. — Тебе очень идет.

Вторая спортсменка провела ночь в гостиной, а Вампира еще до полуночи отнесли во вторую спальню, потому что он норовил залезть в камин. По пути наверх он сопротивлялся, но в постель укладывали уже бесчувственное тело. Храпеть Иван начал только под утро. Правда, очень громко.

За завтраком девушки нервничали, говорили, что их точно попрут со сборов и исключат из состава сборной России. Алексей пообещал, что все уладит.

— Мы уладим, — подтвердил голос Филатова.

Он появился на пороге кухни в одних трусах, подошел к столу и выпил стакан апельсинового сока, который хозяин дома налил для Нади.

— Текилы не хочешь? — предложил Волошин.

— Нет, у нас сухой закон!

Девушек сопровождали до спортивной базы вдвоем и, конечно, столкнулись с тренером.

— Что здесь делают посторонние? — сурово спросил пожилой человек и, не делая паузы, обратился к девушкам: — А вы собирайте вещи и уматывайте. Нарушения режима я не прощаю никому.

— Альберт Ринатович, — обратился к тренеру Волошин, — никакого нарушения режима не было. Девушки не курили и спиртного не употребляли. А утром поднялись вовремя и даже работали на тренажерах...

Насчет тренажеров Волошин соврал: в доме их не было. Но соврал, кажется, убедительно. Старик кивнул головой.

И Алексей продолжил:

— И потом, мы просили девушек помочь нам со стрелковой подготовкой. За аренду стрельбища готовы платить. И отдельно — за израсходованные патроны.

Обе олимпийские надежды отошли в сторонку, сделав вид, что не замечают, как Алексей договаривается с тренером.

— Хорошо, — согласился бывший чемпион, — приходите оба. Пойдете по дистанции. Дистанция десять километров с двумя огневыми рубежами: на первом стрельба из положения лежа, на втором стоя.

— Как я пойду? — удивился Иван. — Там снегу по пояс, поди.

— Снаряжение я выдам, — сказал тренер, — скажите ваш размер обуви.

— То есть? — не понял Филатов. — Я еще на лыжах должен бегать? Нет, меня это не устраивает, меня только стрелять надо научить.

— Ты же похудеть хотел, — напомнил ему Алексей.

— Похудеть. Но не умереть.

— Вот и хорошо, — сказал тренер. — Можете прямо сейчас и приступить.

Вечером Волошин сидел в сауне спортивной базы вместе с тренером. Тот не мог поверить, что Волошин не спортсмен.

— Признайся, что ты занимался биатлоном, — настаивал старик.

— Нет, — смеялся в ответ Алексей.

— Ни в жизнь не поверю, — злился недоверчивый собеседник. — Сколько тебе, говоришь, тридцать три? И по этой трассе не ходил никогда? Что-то мне не верится: пройти ее быстрее чем за двадцать восемь минут, не сделав ни одного промаха, на несмазанных лыжах, да еще в твоей экипировке...

— Альберт Ринатович, — попросил Волошин, — девочек отпустите до утра.

— Ради бога, — махнул рукой старик. — Только ни капли алкоголя и никаких сигарет. А все остальное пожалуйста, и как можно больше. У девушек после этого результаты только улучшаются. Немецкие тренеры давно уже это практикуют, а мы, как говорится, только на свой страх и риск. Наша мужская сборная сюда только после праздников приедет, а девчонкам всего три дня осталось. Так что давайте, ребята, помогите спорту.

В бане, впрочем, они были вдвоем. Филатов после прохождения трассы еле дотащился до здания базы, где со стоном рухнул на потертый кожаный диван в вестибюле. Тренер не сказал ни слова. А что говорить? Ваня пришел к финишу на одной лыже, проваливаясь в снег ногой в ботинке, вторую лыжину он нес, держа двумя руками, перед собой, вместе с винтовкой. Палки бросил на трассе — потом их принесли девушки.

— Крепление сломалось, — объяснил Филатов.

— А нельзя просто в тире стрелять?

Старик кивнул, а Волошину потом сказал:

— Пусть уж лучше в тире. А то он мне за один раз всю трассу перепахал, после второго надо будет сборы закрывать.

Иван с трудом доплелся до дому. Но вечером с усердием спаивал брюнетку, которую сам же и окрестил Надей номер два. Та не обиделась, сказала, что Надя номер один в сборной уже есть, и показала на подружку, которая не сводила глаз с Алексея.

Напоить спортсменку Филатову не удалось, и его опять под руки проводили до кровати. В постель он лечь отказался, сказав, что спать не хочет, а потом указал Наде номер два на кресло.

— Присаживайтесь, нам надо поговорить о Бразилии и наметить кое-какие планы...

Как ни странно, девушка осталась в его комнате.

Ночью, целуя бабочку, Алексей вдруг подумал, что никакой игры в «Горцев» нет и не может быть. Просто какие-то мошенники организовали классический отъем денежных средств у богатеньких дурачков. Захотели толстосумы встряхнуться и пострелять друг в друга, а бежать-то и некуда и незачем — лыжня-то перепахана. Поймут, конечно, что их обманули, а что делать?

Придется терпеть. И жаловаться никто не будет. Во-первых, десять тысяч баксов для богатеньких не такие уж большие деньги, а во-вторых, и это главное, кто из них побежит с заявлением в полицию: мол, хотел в киллеров поиграть, застрелить пару десятков человек, а мне не дали? Нет, никто, конечно, жаловаться не станет.

Стонала олимпийская надежда, а Волошину стало вдруг весело: как все здорово придумано кем-то. Но тут же он посчитал в уме: десять тысяч долларов на десять тысяч человек — это сто миллионов долларов, а это уже не смешно. Головастые люди придумали все это. Да пускай, главное — будем жить!

— Ты меня любишь? — спросила притихшая Надя.

— Обожаю, — ответил Леша и поцеловал бабочку.

Пусть все будет как будет, ничего не надо менять. Впереди — прекрасные дни, Новый год, праздник, елка в доме, аромат ванили и мандаринов, шампанское и конфетти, танцы при свечах — девушки обещали задержаться на пару дней, чтобы встретить праздник вместе. Новый год придет как начало

новой жизни, в которой ничего не надо бояться. Новогодняя ночь закончится. А потом, уже утром, Волошин обязательно расскажет все Ивану, объяснит, что не надо ничего бояться; нет никакой страшной игры, можно жить спокойно и долго.

В тире Филатов отрабатывал стрельбу из положения лежа. Тир Ивану тоже не понравился. Почему-то ему казалось, что это должно быть небольшое помещение, не более пяти шагов в длину, где установлены фанерные мишени в виде зайчиков, мишек, волков и уток. А оказалось — длинный неотапливаемый ангар, в конце которого стоят щиты с бумажными мишенями. Теперь Филатов лежал на разодранном гимнастическом мате, долго выцеливал, пытаясь разглядеть мушку на качающемся стволе, а потом стрелял. Альберт Ринатович сидел за столом, смотрел в оптическую трубу и корректировал стрельбу Ивана.

— Молоко... Молоко... Двойка на три часа. Единица на семь. Молоко.

Алексей закончил, сделав пять быстрых выстрелов.

— Сорок девять, — сказал Альберт Ринатович, оторвавшись от трубы, — четвертый выстрел — девятка на двенадцать. Короткую паузу сделал...

И вздохнул.

Больше Волошин не пробовал. Посмотрел, как отстрелялись обе Нади. А потом стал любоваться распластанным на мате Ванькой.

Щелкали выстрелы мелкокалиберной винтовки, и голос тренера повторял одно и то же, не меняя интонации, как автоответчик.

— Молоко... молоко... молоко..

Алексей стоял с Надей у выхода и дожидался, когда Ивану надоест стрелять. А тот все надеялся попасть в черный кружок.

Надя держала Волошина под руку и молчала. Наконец поняла, что старый тренер не собирается глядеть в их сторону, привстала на носках, прижалась к Алексею, хотела, видно, поцеловать, но не решилась.

Шепнула только:

— Спасибо тебе.

Что она хотела сказать, Волошин не понял. Даже не успел подумать, потому что голос тренера прозвучал уже с иной ин-

— Девятка на полшестого.

— Йес! — крикнул Филатов и начал подниматься.

Иван сам пошел к мишеням, припадая на затекшую ногу. Снял бумажку со щита и спешил обратно, все так же прихрамывая. Подошел Алексей и помахал мишенью.

— Все! Научился! Еще денек, и вообще снайпером стану.

На следующий день он выбил две восьмерки, хотя расстрелял две коробки патронов.

— Ну, как? — спросил он Альберта Ринатовича, выдавая оговоренную тысячу рублей. — Прогресс налицо?

— Конечно, — согласился старик. — Если каждый день тренироваться будешь, летом белке в глаз попасть сможешь.

— Летом белок не промышляют, — уточнила присутствующая при этом Надя номер один.

— Вот я и говорю, — продолжил тренер, — летом он у меня еще на роллерах побегает, а я, глядишь, к будущей зиме машину поменяю.

— Я вам к лету машину подарю, — пообещал Иван, — если, конечно, все у нас удачно сложится.

Филатов посмотрел на Алексея и вздохнул.

— Все нормально будет, — успокоил друга Волошин.

Дни пролетали быстро, спокойные и радостные. Филатов продолжал нервничать, и рука в тире у него дрожала. Алексей ежедневно по два раза пробегал вместе с девушками десятикилометровку, на финише их встречал тренер, который смотрел на секундомер и вздыхал.

Нади сообщили тренеру о своем намерении пожить три дня в доме Волошина, чтобы отдохнуть от нагрузок и встретить Новый год. Альберт Ринатович согласился, разрешив по одному бокалу шампанского в день. Девочки радостно закивали, обещая вообще не пить. После чего Надя обернулась и помахала Алексею ладошкой в красной вязаной перчатке. Волошин в ответ подмигнул.

Когда старик провожал девушек с базы, уже простился с ними, но в последний момент схватил Волошина за рукав:

— У нас скоро квалификационные соревнования под Ижевском... это в Удмуртии. По сути, отбор в сборную на кубок мира. Давай попробуем заявить тебя на пятнашке: бегаешь ты средненько, зато стреляешь метко, при определенной лыжной подготовке за место в сборной можно побороться

ся. Тебе только технику конькового хода подправить надо... И все же признайся, у кого биатлоном занимался?

Волошин покачал головой.

— Так я тебя вношу в заявку? — спросил Альберт Рина-тович.

— Спасибо, — ответил Алексей. — Но уже, пожалуй, поздно.

Волошин не врал: он не занимался биатлоном. На лыжах, правда, бегал часто. Даже очень. Детство его прошло в военном городке на Севере, где служил отец. Спортивный зал в школе отсутствовал. То есть он имелся, конечно, но чем-то всегда был завален: то дровами, то стройматериалами, то старыми списанными партами. Поэтому уроки физкультуры проходили на воздухе. А поскольку зима начиналась в сентябре, а заканчивалась в мае, то приходилось все время бегать на лыжах. Лешке нравилось. Вообще-то он был лучшим лыжником школы. Побеждал и на районных соревнованиях. А в пятнадцать лет его отправили и на «Мурманскую лыжню». Там Волошин занял третье место, уступив лишь двум членам сборной страны, бежавшим на пластиковых лыжах «Фишер» в отличие от Лешки, который привез с собой древние деревянные с разболтанными креплениями. К Волошину подходили с разговорами: предлагали место в сборной и учебу в спортивном интернате. Только интернат этот находился в Удмуртии, а ехать туда в Лешкины планы не входило. Отца к тому времени перевели в Петербург, и Лешка с матерью уже готовы были перебраться к нему.

Старому году оставалось жить еще двое суток, время было наполнено суетой и любовью. Ранним утром тридцать первого, когда вчетвером сидели на кухне и обсуждали планы на предстоящий праздничный вечер, именно в тот момент, когда девушки выбирали, что приготовить — индейку или гуся, Филатов неожиданно заявил:

— У нас сегодня тоже жеребьевка.

Лицо его помрачнело. Больше в разговоре он участия не принимал, вышел из комнаты и направился к компьютеру, но при этом так печально сутулился, словно нес на своих плечах все мироздание.

Девушки занялись приготовлением салатов и закусок. Волошин помогал им, нарезал овощи, вареную картошку

все выяснится: в лучшем случае их поздравят с Новым годом, и на этом игра закончится. Десять тысяч потеряны, он вернется к своей обычной жизни, в свою квартиру, к бесполезным походам в опостылевший офис и к не менее бесцельным посещениям казино.

Глаза Алексея разъедало от лука, когда к нему подошел Филатов.

— Ты чего? — удивился он. — Мне, может, тоже страшно, но я держусь.

— Дурак, — ответил Алексей и протянул Ивану нож. — На, работай!

Он вышел в коридор, протирая ладонью глаза.

Маленькой елочке холодно зимой... —

тихо пела на кухне Надя номер один.

Она замолчала на мгновение и еще тише продолжила:

Не отрекаются любя.

Ведь жизнь кончается не завтра...

«Не завтра», — повторил про себя Алексей.

И сердце его сжалось, потому что хотелось жить и завтра, и послезавтра. И всегда.

Филатов, уставший от борьбы с луком, вышел следом за Алексеем.

— Я у компьютера посижу, — сказал он, — вдруг пришлют важное сообщение, а мы всякой ерундой занимаемся.

Весь день по дому разносились запахи еды, к вечеру выносить этот аромат не осталось никакой возможности, но Иван стойко сидел перед монитором, словно общался с единственным живым существом в окружающем Филатова мире. Ни Алексею, ни девушкам не сказал больше ни слова. Только когда за окном стемнело, Иван вышел на кухню и поманил Волошина рукой, не говоря ни слова, подвел к компьютеру и показал рукой на экран. Там светился текст уже переведенного на русский язык информационного письма, в котором после слов приветствия и поздравления игроков с наступающим Новым годом говорилось, что жеребьевка состоялась. Общее количество участников — 16001 человек, и потому компьютер отобрал одного, кто не участвует в подборе пар-

тнеров. Им оказался номер 9999. Результаты жеребьевки уже разосланы, каждый может посмотреть, кого из соперников ему назначил жребий. В конце письма всем пожелали успехов в игре и долгих лет жизни.

— Издеваются, — наконец выдавил из себя Иван.

И, не оборачиваясь к другу, произнес так же тихо:

— А ты счастливец.

Только теперь Алексей понял, что номер 9999 — это он сам: действительно повезло. Поразило другое — количество игроков. Стало немного не по себе, пришлось даже сказать самому себе, не вслух, конечно: «Все это обман и мошенничество — нет никаких киллеров, призовой фонд уже растащили».

Вышли в коридор, первым Иван. И в момент, когда он шагнул в полумрак, на него прыгнула Надя номер два, схватила за плечи и одновременно громко крикнула в самое ухо Филатова:

— Бах!

Вампир дернулся, резко отшатнулся, ударился спиной о дверной косяк и побледнел.

— Ты, ты, ты... — начал он и с трудом выдавил: — Больше так не делай.

Потом поплелся в гостиную и сел в кресло возле елки. День умер, бился в агонии вечер, за окном дрожал свет ранней луны, и девушка пела с экрана:

Я убью тебя нежно...

В комнате пахло хвоей. Накануне друзья притащили из леса двухметровую пушистую елочку, густо увешанную светло-коричневыми шишками. Из магазина принесли игрушки, но совсем чуть-чуть и потому еще сделали самодельную гирлянду из стреляных гильз, повесили их на канцелярских скрепках — стоило качнуть одну веточку, как раздавался приятный мелодичный перезвон: гильз на стрельбище много.

Филатов сидел в темноте, глядя с напряженным непониманием на все происходящее на экране телевизора. Потом принесли свечи и поставили на елку, начали накрывать на стол. Ивана никто не беспокоил, думал он о чем-то своем, и только Волошин догадывался, о чем именно. Около десяти стали садиться за стол, и Алексей позвал друга:

— Хватит грустить, давай-ка лучше старый год проводим.

50 На что Филатов ответил абсолютно невпопад:

- Ну, вот и попали мы с тобой в заповедник.
- Куда? — не поняла Надя номер один.
- В заповедник, где зверей отстреливают.
- Охотятся в заказнике, — поправила его девушка. —

А в заповеднике, наоборот, охота и всякая стрельба запрещены.

- Какая разница, — махнул рукой Вампир.

Но за стол сел и, хотя больше не произносил никому не понятных фраз, все же своим печальным видом немного смазал радость торжества. А когда открывали бутылки шампанского, каждый раз вздрагивал. В полночь, после того, как с экрана пробили кремлевские куранты, Иван вместе со всеми заорал «Ура!!», причем истошно, как будто звал на помощь. Потом устроили танцы, но танцевали недолго: вечером девушкам нужно было отправляться в аэропорт. Оттого они притихли, и радости на их лицах не было. Веселая, беззаботная жизнь нравится всем, расставаться с нею не хочется никому.

Остаток ночи оказался коротким и бессонным, под утро Алексей попытался заснуть, но почему-то не смог. Лежал, смотрел в потолок, перебирал волосы Нади, которая хоть и лежала с закрытыми глазами, но тоже не спала. У нее-то бессонница, скорее всего, от счастья и новизны ощущений, а грудь Волошина сдавила тревога, хотя покоилась на ней лишь головка олимпийской надежды и ничего больше. В доме тишина, спят поселок, лесное озерцо и звезды, только ветер над крышей раскачивает сосны, и стволы скрипят.

В аэропорт девушек Алексей повез один. Филатов сослался на недомогание и попрощался с ними в доме, даже на крыльцо не вышел провожать. Дорога была пуста, и город как будто вымер — домчались быстро: почти на два часа раньше приехали. И потому долго сидели в кафетерии и лениво болтали. Сил не было ни веселиться, ни горевать.

— В феврале опять приедем, — обещали подружки. — Будет «Кавголовская лыжня». Попробуем себя на лыжных соревнованиях. Потом прямо отсюда в Финляндию: там этап кубка Европы. Мы заявлены за сборную. Правда, до этого, возможно, еще этап кубка мира в Оберхофе, если, конечно, в первую сборную попадем. Вообще обещали в этом году. У нас в Германии к тому же спонсор объявился из бывших наших.

Девушки засмеялись. Расставаясь, Алексей поцеловал обеих, Надю номер один, правда, обнимал чуть дольше, а она, прижавшись к нему, что-то шепнула, но Волошин не расслышал, так как включилась трансляция, и скрипучий женский голос объявил: «У стойки номер тринадцать начинается регистрация рейса...»

— Что? — переспросил Алексей.

Но Надя только чмокнула его в щеку, подхватила свою огромную спортивную сумку и отправилась на посадку. Перед тем как скрыться за стеклянной стеной в коридорчике, ведущем на летное поле, она обернулась и помахала Волошину рукой, улыбаясь, но ему вдруг показалось, что олимпийская надежда плачет.

Поздним вечером, укладываясь в постель, еще хранившую запах женских духов, он поднял голову и увидел на стене над высокой деревянной спинкой кровати приклеенную разноцветную бабочку, над которой тонким фломастером, аккуратным, почти детским почерком было выведено: «Я люблю тебя».

Глава шестая

Морозный воздух коснулся лица. Словно посыпанная инеем, серебрилась луна, сверкали городские фонари, и снег искрился, отражая свет. Волошин нашел глазами свой автомобиль, нажал кнопку брелока, и «Лексус» отозвался, дважды мигнув фарами. Алексей направился было к машине, но каждый шаг давался с трудом, и не стоило удивляться — ведь все карманы: и пиджака, и брюк — набиты деньгами. Пачки лежали даже под рубашкой, прилипая к животу и груди. Фиолетовая тень скользнула по снегу, Волошин, не останавливаясь, повернул голову и увидел ту девушку в коротеньком пальтишке, из-под которого торчали две ножки-спички в сеточку. Она так же прижимала к себе сумочку, но не пыталась приблизиться. Волошин полез за пазуху и достал пачку. Банкноты по двести евро. Алексей улыбнулся, протянул пачку девушке и сказал:

— Ну!

А девчонка вдруг испугалась и начала пятиться.

— Не бойся, дурочка. Возьми!

Но та, продолжая пятиться, смотрела мимо его лица, рас-
52 терянно, как будто увидела нечто запретное.

Алексей обернулся, поглядел через улицу и увидел бегущую по заваленному снегом тротуару Надю номер один. Он шла на лыжах своим любимым коньковым ходом, из-за спины виднелся ствол винтовки. Лицо напряженное и сосредоточенное, словно девушка уходила в гонке преследования к своей золотой медали. Она лишь на мгновение повернула лицо к Волошину, коротко улыбнулась и вскинула руку для приветствия, не потеряв ни скорости, ни сосредоточенности.

Летела она стремительно, и у Волошина даже защемило сердце — так хотелось пожелать ей успеха, но он только помахал вслед рукой, а маленькая фигурка уже скрылась в клубах ночной морозной пыли.

Он продолжал махать рукой с зажатой в кулаке пачкой банкнот. Снова обернулся к девчонке, но та за секунду до этого схватила его за плечи и начала трясти. Трясла так сильно, что от этой тряски стала трескаться картина мира: трещины побежали по фасадам домов, хрустнули стекла и задрожали фонари, небо расколосось на несколько черных частей, потом и они посыпались сверху блестящими кусочками смальты. А девушка все не отпускала его, ухватив за плечи цепкими пальцами.

— Проснись, Лешка! Да проснись наконец. Хватит дрыхнуть!

При чем здесь Филатов? Откуда?

Ванька наклонился над Волошиным и попытался заглянуть в глаза:

— Очнулся? Восемь тридцать утра, пойдем к компьютеру.

Судя по всему, Филатов получил какие-то известия и теперь хочет поделиться. Алексей сел на постели. Ноги коснулись холодного ковра на полу, и только после этого он окончательно пришел в себя.

Они прошли в кабинет.

«Странный сон, — подумал Волошин, — к чему он? Может, я люблю Надю?»

— Вот!

Иван показал пальцем на монитор.

«...Поздравляем Скорпиона, Измирского Терминатора, Бароло, Мерлина, Туза Пик, а также птичек: Хоука, Сторка и Колибри с успешным началом игры. К сожалению, вынуждены сообщить, что три игрока — Носферату, Ред Ай и Гарпун — пытались нарушить известные всем договоренности и передать информацию третьим лицам. С прискорби-

ем доводим до общего сведения, что все трое нарушителей исключены из состава участников нашими рейнджерами...»

Волошин закончил читать сообщение, опустил на кресло, не понимая, что это и зачем — ведь никакой игры нет. Скорее всего, очередная уловка мошенников.

— Началось, — прошептал с каким-то восторженным испугом Иван, — одиннадцать человек в течение первого дня. Поверь мне, потом станет еще больше. А главное...

Неожиданно Филатов хлопнул в ладоши и повторил:

— Главное, что мы живы!

Некоторое время посидели в тишине, и Вампир, видя, что его друг не проявляет никакого восторга, сказал негромко и даже вроде как бы извиняясь:

— Леша, я вчера залез в почтовый ящик, а там задание для меня — убрать Сталкера. Ну, я на всякий случай, просто из любопытства, купил подсказки и узнал, кто это. Вот, смотри.

Филатов пощелкал мышью, и вскоре на экране появилась фотография молодого человека и адрес.

— Ты купил две подсказки? — удивился Волошин. — Потратил десять тысяч?

— Нет, всего пять. Запросил имя, а адрес вытащил из Московской адресной базы, которую нашел через Интернет.

С экрана монитора на них смотрел паренек лет семнадцати. Лицо бледное, взгляд напряженный. Длинные волосы зачесаны за уши.

— Совсем молоденький, — сказал Алексей.

— Эти самые страшные, — тоном знатока заявил Филатов. — Для них ничего святого нет. Насмотрелись боевиков и теперь за три рубля кого угодно грохнут, а тут миллиард баксов. Ты погляди на его лицо, какие у него холодные и пустые глаза: именно такие мальчишки поджидают у подъездов старушек, чтобы отобрать у них копеечную пенсию. Будь моя воля...

— Пойдем лучше завтракать, — предложил Алексей.

— А меня заказали Незабудке, — скороговоркой произнес Филатов и развел руки в стороны, дескать, что поделаешь — уж такой я любопытный. — А с подсказками организаторы здорово придумали. Шестнадцать тысяч участников, и если каждый потратится на подсказки по пятьдесят тысяч, то всего получается...

— Восемьсот миллионов, — подсказал Волошин и покачал головой, — только вряд ли все успеют столько заплатить.

— Согласен. Кто-то успеет десятку бросить или пятерку, как я... — Филатов замолчал, напрягся и все же продолжил: — А кто-то и двести тысяч отдаст, чтобы выжить. Так что насчет миллиарда призовых нас не обманули.

Прошли еще три дня, за которые ничего существенного не произошло. Ничего не случилось, конечно, в коттедже с белыми стенами, а на пяти континентах шли перестрелки. Друзья смотрели зарубежные новости по «CNN», «Euro News», «BBC», «Американ тудей». Иногда там проскакивали репортажи с мест преступлений. Чаще всего жертвами становились молодые преуспевающие бизнесмены. Дикторы, комментирующие события, почти всегда отмечали, что убитые незадолго перед смертью значительно увеличивали штат своей личной охраны.

Каждый из прошедших дней начинался одинаково: Алексей с Иваном просматривали списки игроков, которых поздравляли с успехом, потом проверяли списки выбывших. Однажды Филатов не выдержал, выскочил из комнаты, сказав, что если они будут сидеть на месте, то и их самих скоро вычеркнут из жизни. Дело в том, что пришло задание и для Минтона. Ему поручили ликвидировать Лесного Брата. Тогда Алексей, почти не раздумывая, купил подсказку и получил портрет человека, которого должен был убрать. Улыбающийся блондин, с длинными, до плеч, волосами. Абсолютно непохожий на маньяка. Глядя на его лицо, Волошин испытал какую-то жалость к этому человеку и тут же изумился. Чего это я — ведь убивать его не собираюсь?

Зато Филатов ехидно заметил, что почти наверняка фотография Лесного Брата липовая: ведь посылают снимки посторонних людей — он сам, например, сделал именно так, отправив фотографию нового мужа своей второй жены.

— Ты представляешь: она в свое время мне его рожу по электронке прислала — дескать, какой красавец достался! И вот теперь некто Иван Филатов в базе игры выглядит как самый настоящий грузин с усами и фамилией Цицхоладзе. А ты кого отправил?

Волошин растерянно пожал плечами: он-то оказался полным идиотом, хотя и честным.

— Да, правилам конспирации тебе еще учиться и учиться, — снисходительно заявил Филатов.

И похлопал друга по плечу, чтобы тот не усомнился, у кого надо учиться.

— Кстати, а кому тебя заказали? — вспомнил великий конспиратор. — Давай посмотрим. Если тебе, конечно, пяти тысяч не жалко.

Волошину было жаль пяти тысяч, как и десяти, уже отправленных им. Но он, не говоря ни слова, зашел на страницу банка и перевел пять тысяч.

Почти сразу пришла подсказка. Шумахер оказался из Карелии.

— Адрес наверняка липовый, — уверенно провозгласил Иван.

Волошин поднялся и вышел из кабинета. Поднимаясь по лестнице, он остановился и посмотрел на свою руку, лежащую на перилах. Рука слегка дрожала. Только сейчас Алексей понял, что трясется весь. Его бил мелкий озноб, но не страха — нет, а величайшего возбуждения. «Прав Ванька, — подумал Алексей, — эта игра похлеще рулетки засасывает». Напряжение пришло само, может быть, оно подкрадывалось незаметно с каждым днем; хотя волнения особенного не было, даже когда стало ясно, что игра идет всерьез. «Может, и в самом деле следует получше заботиться о собственной безопасности?» — подумал Волошин.

— А давай ночью дежурства установим? — крикнул снизу Иван. — Разобьем ночь на смены. Или по очереди: одну ночь ты не спишь, а следующую я дежурю.

Алексей даже вздрогнул. Не от его внезапного крика. Странно, что подумали они об одном и том же в один и тот же момент.

— Согласен! — крикнул в ответ Волошин. — Начинаем с тебя. Сегодня ты меня охраняешь.

День тянулся и казался бесконечным. Ничего не менялось вокруг, только кошки на душе становились все злее. Идея о ночных дежурствах и патрулировании помещений дома умерла сама собой, как только Ванька понял, что ему первому придется не спать. Но все равно вечером он расположился в кресле перед телевизором, укрыл ноги пледом, положив на колени карабин, а сверху поставив огромную миску с соевыми фисташками. Когда Волошин зашел в комнату, то увидел, что дружок его спит, откинув голову на спинку кресла.

56 Алексей выключил телевизор, взял с коленей Ваньки миску

и карабин, из-за кресла достал две пустые банки из-под светлого швейцарского пива.

— Спи уж, Вильгельм Телль, — тихо произнес Волошин.

— Ххр-р-р, — захрапел в ответ Иван.

Алексей поднялся в свою спальню, лег на кровать, не раздеваясь, закрыл глаза. Сон не шел. Вспомнил, как спокойно было, когда рядом лежала Надя.

В ночь перед расставанием она, глядя его плечо, спросила:

— А ты женат?

— Нет, и не был никогда. За меня Ванька отдувался.

— И никогда никого не любил?

— Любил, вероятно. Но не так, чтобы до сих пор вспоминать. С одной даже жил полтора года. Она в модельном агентстве Филатова работала. А потом в Париж укатила за славой. Правда, перед этим мой «мерс» разбила. Что удивительно, въехала в гаишную машину, а у самой ни доверенности, ни водительских прав. Пришлось мчаться туда и разбираться. Представляешь?

— Нет, — прошептала Надя...

Он вспомнил голос Нади и приподнялся в постели. Потом склонился ко второй подушке. Духами уже не пахло. Включил свет и посмотрел на бабочку у изголовья. Увидел надпись. Сердце защемило. Не от любви — это Волошин понимал. Просто вдруг очень захотелось, чтобы рядом кто-то был. Может быть, Надя, потому что она от него не требовала ничего. Именно сейчас, когда так одиноко, и даже больше одиночества гложет единственная мысль: все это может закончиться, оборваться, и уже не будет ничего: ни одиночества, ни мрака за окном, ни Ванькиного храпа в соседней комнате — всего, что так раздражает сейчас, но что он готов терпеть постоянно, лишь бы продлить пребывание на этом свете. Продлить! «Жить охота», — подумал Волошин и удивился голосу внутри себя, произносящему эти слова: голос был дрожащий и затравленный — вроде даже не его собственный. Алексей тряхнул головой, а голос продолжал: «А зачем? Кому ты нужен? Родителям в Оренбурге, которым звонишь раз в месяц, а те даже не обижаются на то, что ты забыл о них? Или Насте, сгинувшей в Париже? Она ведь рыдала в аэропорту, говорила: не сможет жить без тебя, любить будет только тебя. Может, и любила, однако аборт сделала, даже не сказав про ребенка».

Волошин вспомнил о родителях и понял, что у него никого нет, кроме них. И у родителей только он. Пять лет назад, когда отец демобилизовался, он решил жить в Оренбурге по месту призыва, где у него теперь ни родственников, ни близких друзей. Сыну сказал, что на полученные жилищные сертификаты в Питере только комнату в коммуналке купить можно, да и то такую, в которой крысы жить не станут. Алексей тогда мог предложить родителям жить у него, но не предложил, сказал только, что готов купить им квартиру. Отец отказался, мама тоже. За пять лет он ни разу не был у них. Родители приезжали к нему лишь однажды. Выбрались на весь отпуск, а пробыли всего неделю. С неестественной радостью рассказывали, как хорошо им теперь живется, какую хорошую работу нашел отец, какая хорошая у него зарплата — шестнадцать тысяч рублей, да еще военная пенсия... И мама тоже в библиотеке... Алексей слушал и кивал головой, радуясь за родителей. Шестнадцать тысяч! Да у Лешки самый дешевый костюм в пять раз дороже. Перед их отъездом он украдкой засунул в мамину сумочку пятьдесят тысяч. Мог бы и побольше, хотел, но за пару дней до приезда родителей крупно проигрался в казино. Мать позвонила сразу по возвращении в Оренбург, сказала, что они не бедствуют. А потом пришел перевод на пятьдесят тысяч.

Что за жизнь! Тьма в комнате, тьма во всем доме, за окном ничего не светит. Алексей закрыл глаза. Волошин снова прислушался к храпу за стеной, позавидовал другу и почти сразу уснул.

Среди ночи проснулся. Непонятно отчего: ни кошмарного сна, вообще ничего не снилось. В доме тихо.

Алексей встал с постели, спустился на первый этаж, чтобы залезть в компьютер за новостями, и увидел в кабинете закутанного в одеяло друга. Ивана трясло. Но не от холода и не от нервного возбуждения — его колотил озноб страха. Тряслись губы и все лицо. Волошин спустился в подвал, где прятал оставшееся после празднования Нового года спиртное, налил стакан коньяка, отхлебнул сам, а остальное отнес другу. Тот быстро выпил, хотя половину, пожалуй, пролил, после чего показал пальцем на монитор. На экране мигал выскочивший баннер: «Жди меня, Вампир, скоро я вобью осино-вый кол в твое сердце. Незабудка».

— Успокойся, — сказал Алексей. — Мы выбрали единственно правильную тактику, только надо ее усовершенство-

вать. Единственное, что сейчас приходит в голову, — то, что раз игра управляется через Интернет, значит, надо найти приличного хакера, который бы взлезал на сервер игры, получал бы для нас информацию, а то мы разоримся на подсказках, а главное, чтобы мы засылали туда неверную информацию на всех соперников, раскрывали бы их планы и стравливали бы их друг с другом. Если подумать...

— Я знаю, что делать, — перебил его Филатов.

Он резко поднялся. При этом пистолет, лежавший под одеялом у него на коленях, со стуком упал на пол. Оба приителя вздрогнули. Затем Иван наклонился и поднял «ПМ». Вместе поднялись наверх и разошлись по спальням. Алексей лег в постель, но не мог заснуть; наконец включил свет, поднялся и еще посмотрел на бабочку у изголовья, прочитал то, что написано тонким фломастером, и успокоился. Потом лег, не выключая света. Так и заснул, а когда открыл глаза, наступило утро, на оконных стеклах расцвели морозные узоры. Ночью ртуть в термометре опустилась на пятнадцать делений. Волошин поднялся, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить друга, спустился в гостиную, посмотрел на елочку, дернул за ветки. Самодельная гирлянда заколыхалась, гильзы звякнули. Это было изобретение Нади — вставлять в отверстие гильзы два конца скрепки, согнутой в виде буквы «я». Сквозь головку продевался шпагат — пара сотен гильз и скрепок, и вот, пожалуйста, елочное украшение биатлонистов.

Волошин растопил камин, потом отправился делать яичницу, хотел позвать Ивана, но передумал — пусть поспит подольше, может быть, успокоится. Заглянул в компьютер, пролистал список потерь — Филатов прав: с каждым днем профессионализм игроков проявлялся все более. Хотя с какой стороны посмотреть: если за несколько дней выбыло три с половиной сотни участников, то вряд ли они были опытными киллерами. Зато список самых метких возглавили Пиранья, Бароло и Волына, у которых было уже по две победы.

Время приближалось к обеду, а Иван так и не спускался. Тогда Волошин решил сам растормошить друга. Поднялся в его комнату, открыл дверь и остолбенел — постель пуста. Ни верхней одежды, ни спортивной сумки, ни портативного компьютера, пистолета и четырех обойм. Алексей набрал номер мобильного телефона, но аппарат Филатова был или отключен, или же находился вне зоны досягаемости. Оставалось последнее средство связи — послать сообщение по e-mail. 59

Он быстро набрал текст на компьютере: «Иван, вампирская твоя душа, — не дури. Возвращайся домой!» — и отправил. Сам же проверил его поступление — хотел уже вылезти из-за стола, но замер. Потому что случайно открыл филатовский счет и увидел, что на нем деньги — тридцать тысяч. Кто-то усиленно интересовался Вампиром. Ясно кто — Незабудка, разумеется. На всякий случай Волошин проверил и свой счет: прибавилось двадцать тысяч, а это означало, что Лесной Брат вскоре может объявиться где-нибудь поблизости.

Глава седьмая

Москва встретила морозом. Над платформой таяли струйки пара, поднимающиеся от дыхания десятков людей. Иван шел в толпе, в едином ритме с окружающими людьми. Мороз резал глаза или просто болели веки после бессонной ночи. Накануне, купив два билета в купе спального вагона, он прибыл на вокзал перед самым отправлением поезда, заскочил в вагон и долго не мог отдышаться — сердце билось тревожно и гулко. Филатов закрыл купе, повесил на замок блокиратор, погасил свет. Так и ехал до самой столицы, сидя, сжимая в руке «ПМ», ожидая нападения в любую минуту. Впрочем, все-таки он спал, но сколько, не знал и сам. Глаза начали слипаться, потом была остановка — наверное, Тверь, — хотел разжать веки, но не смог, хотя все слышал: приглушенные голоса в коридоре, шарканье ног, объявление на вокзале, ощутил толчок поезда, понял, что поехали, и после этого провал. Разбудил стук в дверь и голос проводника: «Выходим, господа! Не забывайте свои вещи».

А теперь надо идти в толпе, не побрившись, не позавтракав и даже не приняв обычный утренний душ. Течение понесло Ивана к входу в метро, он дернулся в сторону стоянки такси, но потом продолжил путь вместе со всеми.

Стоя в очереди за билетом, показал какой-то женщине бумажку с адресом, но та лишь плечами пожала:

— Я тоже не местная.

«Неужели так бросается в глаза, что я приезжий?» — удивился Филатов. Дорогая итальянская дубленка и сапоги на меху норки, купленные в Милане, делали, как ему казалось, владельца похожим на представителя столичной элиты. А вот, пожалуйста: первая же бедная провинциалка раскусила его. Чуть позже, спускаясь по эскалатору, стараясь не

задеть людей, чтобы не испачкаться, он все-таки коснулся грязного пальто высокой не женщины даже, а бабы с испитым синим лицом.

— Куда прешь, — возмутилась ханыжка. — Понаехали тут! — И добавила: — Деревня!

После чего дыхнула на него перегаром. От смрада захотелось умереть или помчаться в сауну, в парикмахерскую, к чистеньким девочкам с ласковыми руками.

На платформе подземки Иван тщетно показывал спешащим людям листок с адресом и уже было проклял все на свете за то, что не взял такси, но тут какая-то старушка сама подошла и, взглянув на каракули, объяснила: это на «Баррикадной».

Выбравшись наверх, Иван брел вдоль длинного ряда домов, ища нужный номер. Наконец подошел к парадной двери, замер, вступил на небольшое низкое крылечко, но дверь распахнулась... Из дома на Филатова вылетел Сталкер.

Они чуть не столкнулись, но парень отшатнулся первым. На секунду Иван пожалел, что пистолет у него в кармане пиджака, а не зажат в кулаке, втянутом в рукав дубленки. Но Сталкер отвернулся, обошел неловкого пешехода и подбежал к обочине с поднятой рукой в надежде поймать такси. Что, впрочем, ему удалось почти сразу.

«В институт помчался», — догадался Иван.

Пока все складывалось чрезвычайно удачно.

Идея, пришедшая ему в голову, была проста. Заявиться домой к Сталкеру в его отсутствие, поговорить с родителями, рассказать, в какую пропасть их сын попал. Родители, конечно, не поверят, но он покажет билет Союза журналистов, сохрет, что ведет журналистское расследование, но никаких публикаций не будет, потому что не за строчку, а всего за одно слово можно потерять голову. Если они и этому не поверят, тогда Иван обязательно влезет в компьютер Сталкера, продемонстрирует счет их сына. Потом сразу же обнулит счет, пошлав сообщение от имени некоего Вампира о ликвидации жертвы. Вместе с родителями дождется парня, и втроем они смогут убедить его выйти из игры. Пугало только одно: что, если Сталкер убьет его сразу, при папе и маме? Те ведь наверняка не сдадут своего обожаемого сыночка в полицию. Или сами вызовут полицейских и скажут, что к ним залез вооруженный грабитель, и они в схватке с преступником обезвредили его.

Все казалось складным до тех пор, пока Филатов не приехал в Москву. А когда столкнулся со Сталкером, то растерялся. Но все же Иван поднялся к дверям квартиры, попытался сосредоточиться, стал готовить первую фразу, которую скажет через дверь. Или через порог, если дверь откроют сразу.

«Простите, я по поводу вашего сына: у него проблемы с учебой...»

Нет, лучше сказать честно:

«Откройте, пожалуйста, ваш сын попал в неприятную историю. А я готов помочь ему и вам».

Второе, пожалуй, должно пронять родительское сердце, если, конечно, они сами не такие же отморозки, как их отпрыск.

Иван поднял руку к звонку, поколебался пару секунд и позвонил. Внутри было тихо. Позвонил еще раз. Потом еще, уже прижав ухо к дверям. Тишина. Пришлось снова идти на мороз, отыскивать какую-то забегаловку, давиться прогорклой яичницей, сухим салатом из суррогатных крабовых палочек, кислым пивом и потом запивать все эти деликатесы стаканом кофе из пережаренных зерен. В кафешке было накурено, но тепло. Напротив, за соседним столиком, сидели двое небритых мужчин, взявших по стакану томатного сока. Не таясь, они разливали в грязные пластиковые стаканчики принесенную с собой водку.

День тянулся долго; бесконечно ожидать вечера, сидя в этой забегаловке, невозможно. Надо снова что-нибудь брать из еды, но замечательная яичница и так уже стояла поперек горла. Наконец Иван не выдержал, вышел на улицу и тут же увидел стоящее рядом такси. Водитель сидел внутри и читал популярную газету «СПИД-инфо».

— Что пишут? — поинтересовался Филатов, садясь в автомобиль.

— А я не читаю, — ответил таксист. — Картинки смотрю.

И показал Ивану страницу, которую разглядывал, наверное, уже более часа: на всю полосу помещена фотография голышудой блондинки.

— Что нового для себя обнаружили?

— Ничего. Просто уж больно на мою жену похожа, только моя брюнетка, в два раза старше и в три раза толще. Куда едем?

Филатов пожелал отправиться в приличный ресторан, 62 если таковой имеется где-нибудь поблизости.